

**НАДЕЖДА
ПЕРВУХИНА**

ПОПРОБУЙ ЕЕ
СЖЕЧЬ!

Город Щедрый

Надежда Первухина
Попробуй ее сжечь!

«Первухина Надежда»

2007

Первухина Н. В.

Попробуй ее сжечь! / Н. В. Первухина — «Первухина Надежда»,
2007 — (Город Щедрый)

ISBN 5-93556-842-X

До поры до времени Юля Ветрова была поэтессой и студенткой. Но вот приехала в город Щедрый к тетушке в гости, и тут стало совершаться такое! Тетушка оказывается ведьмой, друг-байкер – провидцем (вообще-то в байкерской банде «Матерые моторы» есть еще оборотень и вампир, и ничего, мирно живут!)... Словом, остается только удивляться. И привыкать колдовать самой. Ведь колдовство – это так притягательно!

ISBN 5-93556-842-X

© Первухина Н. В., 2007
© Первухина Надежда, 2007

Содержание

Глава 1. Поезд Москва-Холмец	6
Глава 2. Первые знакомства	13
Глава 3. Вечерние развлечения	18
Книга теней, тень первая. Германия	24
Глава 4. О снах и сновидениях	29
Глава 5. Новые открытия	36
Глава 6. Контрафактный товар	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Надежда Первухина Попробуй ее сжечь!

Посвящается Анне Черновой. С благодарностью за всё!

Лариса, снова спасибо тебе. Ты умеешь спасать корабли и писателей

Предупреждаю честно: не открывайте эту книгу... Если никогда не мечтали о приворотном зелье; никогда не грезили о волшебной палочке; никогда не жаждали стать невидимкой; никогда не задумывались, как летают ведьмы...

Эрика Джонс. Ведьмы

*Предупреждение подтверждаю.
Автор*

Глава 1. Поезд Москва-Холмец

– Да, с мышами нам повезло, – сказала одна девушка другой, внимательно рассматривая клетку с упомянутыми грызунами.

– С мышами – согласна. Но вот о погоде такого не скажешь, – вяло отозвалась вторая девушка, томно обмахивавшая личико розовым носовым платком.

Мыши и девушки третьи сутки ехали в поезде Москва-Холмец и порядком утомились. С самой Москвы их сопровождала чудовищная жара, разогревшая нутро поезда словно топку. Мимо окон проносились выжженные беспощадным июльским солнцем поля, огороды с поникшими подсолнухами, поселки, будто припорошенные пылью, и города с маленькими вокзалами, напоминавшими картонные декорации к поднадоевшим отечественным сериалам.

Однако довольно о жаре – кто не испытал на себе ее сумасшедшего июльского поцелуя! Пора познакомить читателя с героинями нашей сугубо реалистической повести.

Девушка, заговорившая о мышах, звалась Юлией Ветровой. Юля была красавица неполных девятнадцати лет – то есть того именно возраста, который толкает на самые сногсшибательные и романтические авантюры. Кроме того, Юля была студенткой и поэтессой, и если студенткой она предполагала пробыть максимум еще четыре года, то поэтессой собиралась остаться на всю грядущую жизнь. Желательно – поэтессой прославленной. Но это как повезет.

Ее подруга, однокурсница и попутчица именовалась Мариной Красцовой. Марина была, что называется, «девушкой попроще» во всех отношениях. Внешность у нее была миленькая, но простенькая; талантами Марина не блистала, предпочитая верно служить талантам подруги, да и в университете ее недаром считали тихоней, не хватающей звезд с небеси.

Сейчас и талантливую поэтессу и ее тихоню подругу одинаково донимала известная всем дорожная скука, когда все возможные темы обсуждены и забыты, когда за окном нет ничего, приятного взору, когда проводница кажется врагом человечества, потому что принесенный ею чай слишком жидок и слишком горяч...

– Не понимаю, – подала голос Марина, – зачем твоей тетке понадобились японские мыши?

Пока Юля в ответ недоуменно пожимает плечами, нам – Голосу Автора – следует ввести необходимые разъяснения. Юля и Марина оставили шумную Москву ради того, чтобы провести остаток каникул у двоюродной Юлиной тетки в далеком малоизвестном городе под названием Щедрый.

Как говорила сама Юля, тетка объявилась у нее довольно неожиданно. Юлины родители канули в неизвестность, когда девочка была совсем крошечной, и оставили ее на попечение двух бабушек. Бабушки с задачей воспитания справились отменно, потому что вырастили девочку восхитительную, с какой стороны ни глянь. И до восемнадцати лет Юля полагала, что, кроме бабушек, у нее родственников на земле нет. И вдруг пришло письмо из города Щедрого, а затем другое и третье, потом были долгие междугородные переговоры с ахами и умильными слезами. В результате писем, переговоров и умильных слез Юля теперь и ехала знакомиться со своей двоюродной теткой Анной Николаевной Гюллинг.

Из тех же писем, переговоров и прочего Юля узнала, что ее тетушка – доктор искусствоведения, профессор, преподаватель по классу фортепиано в Щедровском музыкальном училище. Поэтому высказанная в последнем телефонном разговоре просьба купить парочку японских мышей и привезти их в Щедрый Юлю немного удивила. Впрочем, мыши стоили недорого, смотрелись симпатично и вели себя на редкость куртуазно. Мало ли какие у тети вкусы. Может, она без японских мышей не представляет себе гармоничной жизни.

Примерно в таком духе Юля и ответила Марине, тем более что Марина была сама не своя до кошек и волнистых попугайчиков.

– Ну ладно, – кивнула Марина. – Пусть мыши. Но кельтская арфа-то твоей тетке зачем?
– Откуда я знаю, – вяло откликнулась Юля. – У бабушки Зои эта самая арфа сто лет пылилась, никому не нужна была. На ней даже струн нет. Когда я рассказала Анне Николаевне об арфе, она очень заинтересовалась и попросила привезти. Может, ей она нужна для кабинета музыкальной истории или для каких-нибудь ритуалов.

...Оглушительный раскат грома прокатился по горизонту – такой, что задребезжали вагонные стекла. Девушки вздрогнули и обе одновременно посмотрели в окно – там голубизну неба беспощадно затягивали черные грозовые тучи с просверками молний...

– Гроза будет, – прошептала Юля.

– Ритуалов? – изумленно переспросила Марина. – Юль, ты что? Для каких ритуалов?

Юля посмотрела на подругу абсолютно непонимающим взглядом:

– Ты о чем?

Теперь недоумевала Марина:

– Юля, ты только что сказала, что твоей тете арфа понадобится для проведения каких-нибудь ритуалов...

Снова громовой раскат и молния, прозмеившаяся чуть ли не по вагонному стеклу.

– Я так сказала?

– Да!

– Ох. Это, наверное, у меня от духоты в голове перемкнуло. Я имела в виду – может, для занятий в музыкальном училище... Всё-таки это музыкальный инструмент. Хотя по мне, так эта арфа похожа на пару склеенных костылей.

– А зачем в современном музыкальном училище старая облезлая арфа?.. Ой, смотри, какой ливень начался! Ужас!

Действительно, чернильной черноты тучи разродились ливнем, шедшим сплошной стеной без просветов и передышки. На фоне такого ливня духота купе показалась особенно невыносимой, и девушки, оставив мышей элегически дремать в клеточке, выбрались в тамбур.

Холодный влажный воздух почти обжег их, но они дышали с наслаждением, дрожа от брызг, летевших из полуоткрытой двери. Проводница, тоже вышедшая подышать, с улыбкой сказала девушкам:

– Вот они, местные грозы! Сразу ясно – до Щедрого недолго осталось. Еще часа четыре – и там. Как в Щедровский район входим – погода тут же меняется. Как по заказу. Верно говорят, вороват они там, в Щедром...

– Вороват? – удивилась Марина, а Юля почему-то рассмеялась.

– Конечно, – спокойно ответила проводница. – А вы что, ничего не знаете о здешних местах?

– Нет, – по-прежнему смеялась Юля. – Мы из Москвы. Надо же – вороват. Прямо как в сказке.

– Ну, сказки здесь ни при чем, – улыбнулась и проводница. – Вот приедете, сами всё увидите.

– Что увидим?

– Город. Людей. У вас, значит, родственники там?

– У меня, – сказала Юля. – Тетя. Двоюродная.

– А-а, – непонятно протянула проводница. – Тетя – это хорошо.

– Странно вы как-то о Щедром говорите, – сказала проводнице Марина. – Что это вообще за город?

– Да город как город, – ответила проводница. – Небольшой, небогатый. Ну, со своими странностями, конечно. Мэр у них бывший, говорят, колдун был.

– Колду-у-ун? – протянула Юля. – Скажете тоже!

– Да врут, конечно, никакой не колдун. Но вообще странностей в городе много. Сами увидите.

– Да странностей в любом городе достаточно, – задумчиво сказала Юля. – Вы думаете, в Москве их нет или в Питере? Да сколько хочешь!

– Ладно, мы в купе пойдем, – сказала Марина. – А то что-то стоять холодно.

– Может, вам чаю принести? – встрепенулась проводница.

– Нет, спасибо, мы еще сок не допили. Пойдем, посмотрим – мыши наши не убежали?

Девушки вернулись в купе. Духота из него исчезла как по волшебству, свежий воздух, напоенный ароматами мокрой травы и полевых цветов, стоял в купе, как ваза с дорогим букетом.

– Ах, – потянула носом Юля. – Что за прелесть! Будто цветущей липой пахнет! И лилиями!

– Действительно, – озадачилась Марина. – Откуда тут быть такому аромату?

– Волшебство, – засмеялась Юля. – Ты же слышала: Щедрый – странный город.

Словно подтверждая слова Юли, в купе добавилось ароматов. Теперь пахло розами, флоксами, гиацинтами и еще какими-то неизвестными, но душистыми цветами.

– Ничего не понимаю, – заявила Марина, купаясь в ароматах. – Может, у тебя духи в чемодане пролились?

– Я не пользуюсь духами, – пожалала плечами Юля, и загадка так и осталась неразгаданной, но от этого не менее прекрасной.

Это облако ароматов сопровождало девушек даже тогда, когда они пошли в вагон-ресторан. Они хотели заказать себе по скромному салатик и бутылочке пепси-колы, но чудеса продолжались. Официантка с лицом христианской великомученицы вмиг преобразилась, едва завидев Юлю и Марину, заулыбалась и засияла гостеприимством так, что девушки ощутили себя по меньшей мере герцогинями инкогнито.

– Мы бы хотели, – начала Юля, но официантка только игриво взмахнула наманикюренной ручкой:

– Сейчас всё будет! Мигом!

Девушки сели за столик. На нем как по волшебству (ах, опять это волшебство влезло!) клетчатая, в желтоватых неопрятных пятнах скатерть сменилась накрахмаленным белоснежным чудом. Следом за скатертью мигом сервировались закуски самого изысканного вида на самых изысканных тарелках...

– Юль, что это? – шепотом спросила Марина, но за Юлю ответила официантка:

– Это наше фирменное. Всегда подаем тем, кто прибывает в Щедрый.

– А откуда вы знаете... – Юля не успела договорить, как официантка уже исчезла в чреве вагона-ресторана, оставив на столе помимо закусок целую батарею из запотевших бутылочек кока-колы и минеральной воды.

– Чудеса, – повторились девушки и отдали должное еде и напиткам. Юля было заикнулась о деньгах, но тут из чрева вагона-ресторана донесся голос официантки:

– Не волнуйтесь, всё оплачено!

– Кем? – спросила Марина, а Юля сказала:

– Пойдем-ка отсюда.

Девушки вернулись в купе, и тут Марина задала Юле, что называется, наводящий вопрос:

– Юля, а точно твоя тетя – только преподаватель музыки?

– Ну... да. А что?

– А то, что с нами обращаются так, будто мы принцессы. Как минимум. Может, твоя тетя какая-нибудь крупногабаритная шишка, которую все знают и перед которой трепещут? Вот тебе повезло...

– Нет, – покачала головой Юля. – Такого просто не может быть. Смотри, а гроза, кажется, проходит.

Марина взглянула в окно. Тучи исчезали с неба, будто их стирали ластиком. Яркая, до рези в глазах синева заполняла пространство над поездом, вынырнувшим из грозы, как незадачливый купальщик выныривает из тинистого озера. Под этой синевой, чистые, спокойные и прекрасные, как евангелисты перед крещением, стояли сосновые и пихтовые леса – от них невозможно было оторвать взгляд.

– Красота какая, – прошептала Юля. – Вот бы там погулять... Я таких лесов в жизни не видела.

– А вдруг там волки, – хмыкнула Марина. – И медведи. Ходят толпами. Ой, мама!

Постыдное для почти взрослой девушки «ой, мама» прозвучало потому, что поезд на какое-то мгновение замедлил свой стремительный бег. Даже, кажется, совсем остановился. И в этот невероятный миг из леса, слегка косолапя, вышел медведь и довольно бойко направился к поезду.

– Медведь, – слабо промолвила Марина. – К поезду пошел. По-моему, к нашему вагону...

– Н-ну и что, – храбро ответила Юля. – Может, это ручной. Его проводники приручили. Прикормили. Вот он и...

– А если он в наше купе залезет? – совершенно нерезонно предположила Марина, и тут в дверь купе деликатно постучали.

– Ай! – вскрикнула Марина. Вообще эта девушка имела склонность к незапланированным вскрикиваниям нервического свойства, поэтому ей в нашей повести отводится роль этакого греческого Хора, отвечающего за эмоциональное состояние той или иной картины.

Итак, Марина вскрикнула, Юля привычно шикнула на подругу и открыла дверь купе. И отступила внутрь, потому что ожидала увидеть проводницу, но вовсе не этого... хозяина лесов.

– Вы кто? – сурово спросила Юля. – Чего вы хотите?

Довольно плюгавого вида мужичонка, весь заросший бородой, в каком-то непонятном тулупе, вывернутом мехом наружу, забормотал:

– Значить, здрасте вам, деточки. Значить, лесничий я буду, значить, Потапом мене кличуть. Ты-то, востроглазая, племяшкой Анне Николавне будеши али как?

– Да, я племянница Анны Николаевны, – удивляясь, кивнула Юля.

– Оно мы заметимши. Запах, то исть, значить, глазки похажимши. Один в один. Так ты, деточка, передай-ко вот Анне Николавне травки. Она давно просимши...

С этими словами лесничий Потап протянул Юле подозрительного вида брезентовый мешок, легкий, но явно плотно набитый. От мешка действительно исходил терпкий запах сушеных трав.

– Анна Николавна знать, от кого травки.

– Хорошо, я передам, – кивнула Юля, держа мешок на некотором расстоянии, словно он был мокрой кошкой, собиравшейся встряхнуться.

– Ну, значить, тады пошедши я, – потоптавшись, сказал лесничий Потап. – Вы, деточки, ежели увидите Патрона Кириллыча, привет ему передавайте. От меня, значить. А Анне Николавне поклон. И еще – вот чуть не забыл, голова еловая! – скажите Анне Николавне, что, значить, бальзам-то хорошо-от пошел. Помогаить, значить. Ну, всё.

И лесничий затопал к тамбуру, оставляя за собой след из еловых иголок.

Девушки в молчании смотрели то друг на друга, то на мешок с таинственными травами. Наконец Юля опомнилась, положила мешок на сиденье и захлопнула дверь купе. И тут же поезд тронулся, набрал ход, замелькали бессчетные сосны, пихты и елки, остро протыкающие небесную синеву.

– Твоя тетушка становится всё более загадочной личностью, – сказала Юле подруга. – У нее такие связи...

– Маринка, прекрати, – рассмеялась Юля. – Ну что такого в том, что она знает какого-то лесничего! Щедрый – город маленький, все живут как добрые соседи.

– Ага. Интересно, что это за травы.

– Интересно. Но я бы всё-таки поостереглась открывать посылку, предназначенную не мне.

– А я тебе и не предлагаю. Убери мешок подальше. От него воняет. Ой, смотри! Что это с нашими мышами?

Мыши, до сей минуты спокойно дремавшие в клетке, теперь взволнованно прыгали, крутились, пищали и вообще мельтешились, как могли. Такое безобразие продолжалось минут десять, после чего мыши выдохлись и без сил упали на опилочное дно клетки.

– Ничего не понимаю, – сказала Марина.

...Поезд несся вперед, с каждой минутой приближая девушек к городу Щедрому. А лесничий Потап, которого мы оставили, как вы помните, в лесу, постоял немного на шпалах, втянул носом разогретый поездом воздух, после чего как-то неуловимо преобразился в самого натурального медведя. Ставши медведем, лесничий неторопливо затрусил обратно в лесную чащобу, как всегда довольный тем, что не было свидетелей его превращения.

Оставшееся до приезда время Юля и Марина продремали. Неожиданно напала на них липкая и мягкая сонливость, окутала нежным одеялом, зашептала в уши какие-то соблазнительности, ценные для одних только молодых девушек... Наши героини пристроились каждая на своем сиденье, взбили каменистые казенные подушки, чтоб стали немного помягче, и задремали крепкой дремой юности. И казалось, что даже колеса поезда стучат тише, чтобы не будить Юлю и Марину, но это уж, разумеется, совершеннейшая нелепица.

Неизвестно, что в это время снилось Марине, да, впрочем, это и не имеет значения. А вот Юле приснилось, что она находится на заседании литературной студии «Пух Эола», которой руководил поэт-самородок Валерий Крепостьянов. Раньше Валерий Крепостьянов был преподавателем физкультуры в каком-то колледже, а потом муза его осенила, и он стал поэтом. Издал две тоненькие книжки за счет каких-то добродетельных спонсоров. Счел себя гением и создал литературную студию для подобных же гениев-единомышленников, а также подрастающей поэтической поросли. Одной из подающих надежды была Юля. Крепостьянов даже намекнул ей, что некоторые из ее стихотворений вполне могут быть опубликованы в студенческой малотиражке и самодеятельном альманахе «Поэтические пушинки». Но Юля жаждала большего, а потому написала венок сонетов, посвященный ночной студенческой Москве. Крепостьянов прочел венок на одном из заседаний студии и своими уничижительными замечаниями превратил венок в веник, едва не доведя Юлю до слез. И вот теперь ей снится...

Стоит она в комнатке, где обычно проходят заседания «поэтических пушинок», и все члены студии, рассевшись в продавленных креслах, смотрят на Юлю крайне неодобрительно. А Крепостьянов, пристроившись за столом и сверкая обширной лысиной, рассуждает скрипучим голосом:

– Вы, Юленька, пока далеко отстоите от настоящей, исконной, духмяной поэзии! Ваш венок сонетов, извините за выражение, буквально фонтанирует формализмом, искусственными напластованиями аллюзий и аллитераций. Вашим стихам не хватает простоты и доступности, не хватает аромата реальной жизни. Ваши сонеты слишком далеки от настоящего!

– Но я пыталась создать ирреальный образ Москвы, – возражает Юля.

– В этом ваша ошибка! – чуть не кричит Крепостьянов. – Поймите, деточка, надо быть ближе к запаху земли.

– Это как? – хмурится Юля, а остальные «пушинки» начинают хихикать, словно уж они-то знают, как именно пахнет земля и как этим запахом насладиться.

– Вот, помнится, – лысина Крепостьянова начинает блестеть романтически, – выехал я как-то летом к бабке в деревню. Выкапывал с нею чеснок, навозом огород удобрял... И тогда

понял: вот она в чем, истинная поэзия! Истинная пейзажная лирика! У меня тогда родилась такая строфа:

Не говорите о метаморфозе,
О рифме, о размере, о строке!
Поэт лишь тот, кто знает о навозе,
Об удобрениях и о чесноке!

Крепостьянову аплодируют. Он вдохновенно вытирает лысину платочком и говорит:
– Подумайте об этом, деточка. У вас есть задатки, чтобы стать поэтом. Но не уходите в формализм, в бесплодное словотворчество... Помните...

– О навозе, – едва слышно хмыкает кто-то.

– Я буду писать так, как сочту нужным, – гордо заявляет Юля.

– Что ж, – делает губы трубочкой Крепостьянов, – тогда мы вынуждены будем попросить вас покинуть ряды членов нашей литературной студии. И на публикации в альманахе вы можете не рассчитывать.

– Ну и что! – обиженно кричит Юля. – Проживу я без вашей паршивой студии! И публикации у меня будут не то, что у вас, – в изданиях получше!

– Что ж, удачи вам, деточка, – криво улыбается Крепостьянов. – Можете быть свободны.

Мы вас не держим.

– Ренегатка, – шепчет кто-то Юле в спину. И глупо, и обидно.

И тогда Юля оборачивается у двери. Бросает на всех прощальный взгляд. И вдруг понимает, что ее взгляд на самом деле – луч пламени. В этом пламени члены литературной студии начинают гореть как бумажные куклы, без крика превращаясь в пепел. А на голову Крепостьянову опускается большая шаровая молния и – а-ах! – взрывается, будто лопается спелый арбуз. И странное дело – это совсем не пугает Юлю, а, наоборот, вызывает у нее злую, бодрую радость.

– Так вам и надо! – кричит Юля. – Бездарности! Я вам всем покажу!

Тут она чувствует, как кто-то деликатно трогает ее за плечо. Юля вырывается из паутины своего жутковатого сна и открывает глаза. Над ней склонилась проводница:

– Подъезжаем. Через пять минут будет станция.

– Спасибо, – бормочет Юля.

Марина тоже проснулась и взволнованно глядела в окно, за которым теперь были видны не бесконечные леса, а нагромождение домиков и коттеджей, по скученности напоминавшее пчелиные соты... Над заборами вскидывали ветки сливы и вишни, кое-где торчали подсолнухи...

– Наверное, весь Щедрый такой, – сказала Марина Юле. – Большая скучная деревня.

Наконец поезд подошел к станции. Видимо, жители или власти Щедрого не считали необходимым сооружать помпезный вокзал, а потому ограничились небольшой двухэтажной станцией, аккуратной, как старушечья шкатулка с бережно хранимыми письмами. На фасаде станции мозаикой было выложено название:

ЩЕДРЫЙ

Поезд совсем замедлил движение и остановился.

– Стоянка одна минута, – объявила проводница. – Поторопитесь, девочки. Давайте я помогу сумки нести.

– Да что вы, мы справимся! – Девушки сошли на перрон.

– Удачи вам и приятного отдыха в Щедром! – весело сказала проводница.

И тут же поезд тронулся.

– Хм, – сказала Марина. – Неужели минута уже прошла?

- Что? – спросила Юля.
- Я говорю, поезд слишком быстро от станции рванул. Странно.
- А мне странно другое, – сказала Юля.
- Что?
- Нас никто не встречает. А ведь я давала тете телеграмму.
- У тебя есть номер ее мобильного телефона? Позвони.

Юля послушалась совета и набрала тетин номер, но в ответ услышала, что абонент временно недоступен или выключил телефон.

- Неудача, – пробормотала она, пряча телефон.

Девушки огляделись. Перрон был вопиюще пуст и чист. На нем не валялось даже окурков.

- Никаких признаков цивилизации, – заметила по этому поводу Юля.

- Слушай, а может, возьмем такси и доберемся до дома твоей тети?

– Во-первых, я не вижу здесь ни одного такси, – слишком спокойно сказала Юля. – А во-вторых, как ни странно, я не знаю тетиного адреса.

- Но ты же писала ей письма?!

- Да. По адресу «г. Щедрый, абонентский ящик 5». Вот тебе и весь адрес.

– Ой! – вскрикнула Марина (как вы помните, ей в нашей истории просто необходимо изредка это делать). – Как же нам быть?!

– А я знаю? – огрызнулась Юля. Нет, не огрызнулась, а скорее прорычала. И очень удивилась, когда поняла, что ее рычание не утихло, а, наоборот, усиливается с каждой минутой.

Всё разъяснилось, когда на станционную площадь, рыча, сигнали и сверкая, явились (иного слова не подбирается!) пять потрясающих мотоциклов – серебряные, ало-синие, черно-желтые монстры, прекрасные и невероятные на этом провинциальном перроне.

Как по команде смолкли вулканоподражательные моторы. Наездники прекрасных байков, облаченные в комбезы и гермаки, за которые всякий уважающий себя байкер прозакладывал бы душу и пиво, молча спешили. Один из них, сплошь в черном, как принц ночи, подошел к девушкам и снял шлем.

- Ой! – неоригинально заявила Марина.

- Юля секунду подумала и тоже сказала «ой». Но в тональности ре мажор.

Глава 2. Первые знакомства

– Добрый день, юные сударыни, – приятным, как мятная ириска, голосом сказал принц ночи, держа шлем в правой руке на отлете – как держат генеральскую фуражку (или у генералов папахи?). – Кто из вас Юлия Ветрова?

– Это я, – пискнула Юля и подумала, что так пропищали бы мыши в их клеточке, буде им представилось бы право голоса.

– Очень приятно, – элегантно поклонился принц ночи в байкерском комбезе. – А это, полагаю, ваша подруга Марина?

– Да. – Юля постаралась перевести голос в более благоприятную тональность.

Принц исполнил поклон на бис.

– Разрешите представиться, – тряхнул он сногсшибательной белокурой шевелюрой. – Владислав. Для друзей – Влад.

– Как Дракула, – прошептала Марина, которую не покидало ощущение, что она взирает не на кого-нибудь, а именно и безусловно на принца ночи, рожденного бледными фантазиями поклонников носфератизма.

– Да, – ослепительно улыбнулся Влад. – Как Дракула. Добро пожаловать в город Щедрый, сударыни!

– Мерси, – сказала Юля, стараясь попасть в тон и гадая, отчего это матерый белокурый байкер выстраивает речь как сын лорда Честерфилда. – Мы вообще-то предполагали, что нас встретят...

– Так мы и встретили! – Принц Влад одарил девушек новой лучезарной улыбкой. – Разрешите представить нашу скромную банду под ником «Матерые моторы». Джентльмены, прошу представиться дамам.

Четверо наездников оставили своих металлических кентавров и походкой, достойной любого светского раута, подошли к девушкам. Сняли шлемы.

– Игорь.

– Данила.

– Вадим.

– Ши Юйкань.

– Очень приятно, – как заведенные повторяли девушки, во все глаза разглядывая байкеров.

Байкеры были юны (в меру, в меру!) и прекрасны. Разноцветные комбинезоны и роскошные боты сидели на них как мушкетерская форма. Данила был смугл, черноволос и голубоглаз (роковое сочетание для любого девичьего сердца!), Игорь мог бы прозваться рыжим-конопатым, если б эта самая рыжесть-конопатость не была ему так к лицу, что просто ах. Вадим имел на лице интересную бледность и тонкость черт, а в фигуре идеальную стройность, почему мог вполне сойти за маркиза инкогнито. Даже странно было, что его комбинезон не украшен валансьенскими кружевами. И, наконец, Ши Юйкань. Как явствовало из имени, он был китаец, а из того, что он китаец, выходило... Да что объяснять? Надеюсь, читатели этой книги знакомы с творчеством великого китайского кинорежиссера Чена Кайге. Так вот, юный Ши Юйкань, казалось, прямиком вышел из этого самого творчества.

Словом, нашим девушкам было на что посмотреть и было отчего временно потерять дар речи. Байкерская банда «Матерые моторы» выглядела как квинтет скрипачей, как орден рыцарей-тамплиеров, как сонм ангелов младшего звена. Однако Юля, будучи здравомыслящей девушкой, первой перестала глазеть и обрела голос.

– Простите, я не понимаю, – сказала она, обращаясь ко всей пятерке в целом. – Я приехала в гости к своей тете Анне Николаевне Гюллинг. Я думала, что она меня встретит...

– Так и должно было случиться, – сказал Владислав. – Но, к сожалению, позавчера Анна Николаевна была вызвана из города по весьма важному и срочному делу. Зная, что вы приедете, она поручила нашей банде вас встретить и отвезти к ней домой.

– Ах вот в чем дело! – нашла Марина. – Тогда всё понятно.

– Непонятно только, с чего это моя тетя водит дружбу с байкерской бандой, – под нос себе пробормотала Юля.

– Доведем со всем почтением, – улыбнулся Влад. Как заметили девушки, зубы у него были изумительно белые и блестящие. Жемчуг, а не зубы!

Тут деликатно кашлянул Игорь:

– Не хотелось бы показаться навязчивым, но, может быть, нам уже довольно стоять на перроне?

– Я не боюсь ездить на мотоциклах, – храбро заявила Марина, во все глаза глядя на Данилу.

– А я боюсь, но какое это имеет значение? – фыркнула Юля.

– Не бойтесь, – сказал ей Вадим. – Я лично вас повезу. И уверяю вас, вы будете чувствовать себя так же спокойно, как младенец в колыбели.

– Ловлю на слове, – мрачновато произнесла Юля.

Наконец девушки были усажены, вещи распределены. Клетку с мышами Юля прижала к груди. Моторы вновь громоподобно взревели, Марина на всякий случай ойкнула, и через пять секунд перрон опустел.

Байкеры, а с ними и наши героини неслись по асфальтированной, гладкой, будто атласная лента, дороге вдоль яблоневых зарослей и одноэтажных деревянных домиков. Мелькнула на миг в просвете между садами узенькая серебристая полоска речки и пропала. Снова понеслись по сторонам сады и усадьбы с дремлющими у забора козами. И неожиданно эта пастораль кончилась. Мотоциклы выметнулись из какого-то закоулка на широкий проспект и полетели мимо многоэтажек, пестревших рекламой, мимо блестящих витрин магазинов и кафетериев, мимо огромного, напоминающего ацтекский храм здания, в котором гости города безошибочно угадали здание городской Думы. Перед Думой прокаливалась июльским солнцем белая площадь, напоминающая пустыню. Но еще миг – и байкеры уверенно повели своих кентавров сквозь распахнутые узорные ворота и выехали на засаженную тополями аллею. Вдоль аллеи били фонтаны и томно замирали мраморные наяды и дриады. Пахло свежестью, травой и еще почему-то ванилью.

– Что это? – почти крича, спросила Юля у своего возничего.

– Главный городской парк, – ответил тот. – Здесь удобно срезать. Быстрее доедем.

Насчет «быстрее» Юля не сомневалась. Ей вообще казалось, что мотоциклы не едут, а летят, не касаясь земли. Кстати, если б она сумела оглянуться и внимательно присмотреться к тому, как вел свой байк маркизобразный юноша по имени Вадим, то выяснилось бы, что Юля совсем недалеко от истины. Ибо Вадим вел роскошный «кавасаки», действительно не касаясь колесами земли. Но это так, мелочи.

Из парка они снова вырулили в какой-то проулок, где двухэтажные деревянные дома выглядели посolidнее и побогаче, а среди садов проглядывали узорчатые беседки и даже нечто напоминающее японские чайные павильоны. Коз тут не было, зато за витыми чугунными ограждениями заходились в лае невидимые псы, впитавшие ненависть к реву мотоциклетных моторов вместе с кормом «Педигри».

Наконец все байки остановились перед двухэтажным кирпичным особняком со стеклянной террасой, с кованым легкомысленным балкончиком, с цветником и садом, разросшимся и прекрасным, будто сад меж реками Тигр и Евфрат. Всё это великолепие ограждала совершенно легкомысленная низенькая изгородь из белых реек, напоминающая шнурок, перетянув-

ший пышный букет. К изгороди крепилась символическая белая же калитка. На калитке висел блестящий колокольчик.

– Вот и прибыли, – сказал Влад. – Это дом Анны Николаевны. Ключи лежат в глиняном горшке возле двери. Вы, Юля, открывайте дом, а мы вещи занесем.

Влад толкнул перед девушками калитку. Звякнул колокольчик, калитка гостеприимно распахнулась, и Юля с Мариной ступили на тропинку, выложенную толстыми кафельными плитками, напоминающими плитки молочного шоколада. Тропинка вела к террасе с дверью, возле которой обретался солидных размеров пустой цветочный горшок.

Ключи были на месте. Юля отперла дверь, и девушки вошли в дом, а следом за ними Игорь и Данила внесли чемоданы. Вадим эскортировал арфу, Юля не забывала прижимать к груди клетку с мышами, а Марина тащила мешок с травами. Из коридора, совмещенного с террасой, девушки попали в обширную комнату, служившую, по-видимому, и кухней и столовой. Девушки прошли дальше, но тут их окликнул Влад:

– Сударыни, простите, но нам дальше нельзя. Мы ваши вещи оставим здесь. Осваивайтесь в доме, Анна Николаевна велела передать, чтобы вы чувствовали себя полновластными хозяйками до ее возвращения.

– Спасибо, – с чувством сказала Юля.

– Если понадобится, то нашу банду вы найдете в парке. Спросите любого, где обретаются «Матерые моторы», и вам покажут. Всего наилучшего. Благословенны будьте.

Байк-джентльмены откланялись, попрыгали на свои «хонды», «харлеи» и «кавасаки» и были таковы. С минуту девушки слушали удаляющийся рев моторов. А затем наступила тишина.

Эта тишина была плотной, как ватное одеяло, и мягкой, как крем для чувствительной кожи. В такой тишине должны совершаться вещи самого высшего порядка, например, чтение трудов Монтеня, сочинение поэмы о цветущих хризантемах или созерцание коллекции местных минералов... Но наши героини не стали заниматься ни тем, ни другим, ни третьим. Оставив вещи где стояли, девушки сбросили с ног поднадоевшие туфельки и принялись обжигаться.

Процесс обживания доставил им массу впечатлений. Холодильник был набит продуктами и снабжен запиской: «Девочки, не стесняйтесь!» Юля обнаружила в холодильнике банку обожженных консервированных персиков, а Марина – курицу гриль и десятка два разных соусов. Курицу разогрели в микроволновке, персики выложили на блюдо, и получился отменный обед с некоторой претензией на шикарность. Затем Юля поставила на плиту чайник, деликатно порылась в кухонных шкапчиках, обнаружила жестянку с чаем, коробку конфет «Осенний вальс», зефир в белом шоколаде и грильяж. Жизнь становилась всё прекраснее и, можно сказать, слаще.

Девушки устроили чаепитие и уж за чаепитием, как истинные представительницы прекрасного пола, дали волю своим эмоциям и мыслительным способностям.

– Я ничего не понимаю, – сказала Юля. – Почему тетя не смогла нас встретить?

– Тебе же объяснили эти принцы. Твоя тетя отлучилась по важному делу.

– Ах да. Но хоть бы предупредила! Хоть бы позвонила! А то у меня, когда эти байкеры появились, чуть душа с телом не рассталась. Я подумала: всё, сейчас нас будут бить, насиловать и грабить. Нас и мышей в придачу. Кстати, дай мышам кусочек булки. Что-то у них вид какой-то оголодавший.

Мыши немедленно получили булку, а Марина сказала:

– А ты заметила, как эти байкеры разговаривают? Просто великосветские лорды какие-то! «Сударыни, джентльмены, позвольте, извольте»...

– Выделяются перед приезжими, – отмахнулась Юля. – Попади мы на настоящий тусняк их банды, такого бы наслушались! Уши бы осыпались! Это же байкеры! Вот уж не думала, что в такой дыре, как Щедрый...

– Тише! – вскрикнула Марина. – Ты слышала?!

– Что? – удивилась Юля.

– Кажется, на втором этаже что-то скрипнуло.

– Угу. Там бродит фамильное привидение, которое тетушка оставляет в доме вместо охраны. Эй, привидение, ау! Спускайся к нам, попей чаю с зефиром!

– Юлька, прекрати! Я боюсь!

– Ты вечно чего-то боишься, – проницательно заметила Юля. – На дворе белый день. Кроме того, у нас есть защита. Мы всегда можем пойти в местный парк, разыскать тех байкеров и изобразить перед ними запуганных девиц. Хотя, разумеется, это чушь. Мы всё-таки столичные студентки, а не дурочки какие-нибудь провинциальные. Подумаешь, байкеры!

– Но ты заметила, что все они ужасно симпатичные? Особенно Влад и Данила.

– Ну, допустим, заметила. Хотя мне больше понравился китаец. И что такого? Марина, не смей меня. Наверняка за этими парнями ухлестывают все девчонки здешних мест. Еще и нам подключаться? Шиш.

Надо сказать, что вместе с поэтическим кризисом Юля недавно пережила драму рухнувшей любви. Ее возлюбленный, тоже поэт и посетитель студии «поэтических пушинок», бросил ее, едва Юлина слава пошла на убыль, и обратил взоры на более перспективную в плане анапестов и дактилей девицу. Так что Юля ожесточилась сердцем и на противоположный пол смотрела взглядом человека, увидевшего рогатую жабу в тарелке с яблочным муссом.

– Ой, – однообразно высказалась Марина. – Слышишь, опять что-то скрипнуло. Юлька, я боюсь.

– Ладно, не дрожи, – сказала храбрая племянница Анны Николаевны Гюллинг. – Сейчас допьем чай и пойдем осматривать дом.

– Ага, а ты думаешь, это не страшно?

– Марин, ты, по-моему, слишком много смотришь триллеров на ночь. Тетя нам разрешила распоряжаться ее домом как угодно. Чувствовать себя полными хозяйками. Так что я не понимаю, чего ты трясешься.

– Мне этот дом кажется каким-то... необычным.

– Ага. Стивен Кинг. Отель «Оверлук». Сейчас из щелей в полу ползут костлявые руки мертвецов, а из всех кранов хлынет кровь...

– Юлька!..

– Успокойся, дитя. Чай допила? Пойдем бродить по дому. Можешь в качестве оборонительного оружия взять с собой мышей.

– А что, мышей призраки боятся?

– Само собой. Просто не переносят. Маринка, да я пошутила! И нет тут никаких призраков! Оставь мышей в покое!

– В следующий раз за такие шуточки...

– Да хватит тебе. Идем.

Девушки вышли из столовой-кухни и оказались в маленьком коридорчике с тремя дверями.

– Ну что, – расхрабрилась Марина. – В правую, в левую или в ту, что посередине?

– Посередине.

Юля потянула на себя дверь, почти уверенная в том, что она будет закрыта.

Ничего подобного. Дверь без малейшего скрипа отошла в сторону. Девушки перешагнули порог комнаты и замерли в тихом восторге:

– Вот это да!

Комната была светлой, чистой и прекрасной, как невеста в подвенечном платье. У большого окна, выходящего в сад, стоял белый старинный рояль с позолоченной крышкой и резными ножками. Тут же высилась этажерка с ворохом нот. На полу цвел крупными розовыми цветами белый ковер, у стен стояли кресла в белых полотняных чехлах. Круглый стол, накрытый белой вязаной скатертью, довершал впечатление предсвадебного торжества. В простенке между креслами мерно качали медным маятником часы в футляре высотой с Юлю (а Юля была достаточно высокой девушкой). Узкие шкафы со стеклянными матовыми дверцами, похоже, были забиты книгами.

– Красиво, да?! – воскликнула Марина, на минуту забывшая о привидениях. – Как в музее Чехова.

«Как-кланк», – подтвердили часы.

– Да, интерьер такой старинный, немного провинциальный, – литературно оценила обстановку Юля. – Это, наверное, рабочий кабинет, тетя ведь музыкантша. Интересно, а что это стоит в центре стола?

– Где?

– Да вон, белой тканью накрыто. Ты чего, Марин, не видишь, что ли?

Марина пристальнее всмотрелась в центр стола. Действительно, как она могла раньше этого не заметить! Там находилось нечто объемистое, скрытое белой шелковой тканью.

– Странно, – сказала Марина. – До тех пор, пока ты мне не сказала, я этой штуки не замечала.

– Ну что, посмотрим, что скрывает ткань?

– А может, не надо?

– Маринка, прекрати трусить. Это уже не смешно.

С этими словами Юля сдернула ткань с загадочного предмета.

...И вовсе он оказался не загадочный. Большой, совершенно прозрачного стекла шар, стоящий на подставке из какого-то темного металла.

– А-а, – протянула Юля. – Знаю. Такие продаются в сувенирных магазинах. Типа магические кристаллы. Не думала, что моей тете он понадобится. Зачем?

«Чем-ченг», – сказали часы.

– А вдруг это настоящий?

– Кто?

– Магический кристалл.

– Маринка, не дури. Пойдем осмотрим другие комнаты. В конце концов, нам надо найти ту комнату, в которой мы будем жить.

Юля набросила на шар покрывало. Девушки вышли из белого кабинета и закрыли за собой дверь. И, конечно, не видели, как шар под покрывалом вдруг приподнялся и засверкал, разбрасывая в разные стороны радужные лучи.

Глава 3. Вечерние развлечения

Усталость после долгой тряски в поезде давала о себе знать. Да к тому же и вечерело. Девушки кое-как осмотрели дом и наконец нашли себе комнату. Это была просторная спальня, помешавшаяся на втором этаже. Здесь стояли две аккуратно застеленные кровати, низенькие тумбочки с маленькими торшерами, гардероб во всю стену и старинное зеркало с резным туалетным столиком. На туалетном столике опять лежало послание от Анны Николаевны: «Девочки, надеюсь, комната вам понравится».

Марина взялась распаковывать чемоданы и развешивать вещи в шкафу, а Юля отправилась навестить здешние банно-ванные удобства. Ванна в доме тетушки имелась. В выложенной кафелем комнате стояла стилизованная под старину емкость на бронзовых львиных лапах. На полочке возле ванны разместился целый выводок свечей в разных подсвечниках. («Стильно!» – решила Юля.) За зеркальной дверцей шкафчика обнаружили шампуни, гели, бальзамы и прочие радости женского бытия.

– Ага, – сказала Юля. – Шикарно смотрится.

Она повернула кран-смеситель, вода гулко полилась в ванну. И тут до Юли донесся приглушенный, но всё-таки весьма мощный Маринин визг.

Оставив ванну, Юля по лестнице чуть ли не взлетела на второй этаж. Распахнула дверь в спальню.

– Что случилось?!

Марина стояла у старинного зеркала белая, как мука высшего сорта.

– Зеркало, Юлька... Паук!

Юля подошла и посмотрела на зеркало. Ничего особенного. Никакого паука нигде не было видно. Вероятно, он до смерти испугался Маринкиного визга и почел за лучшее скрыться бегством.

– Нет никакого паука, – сердито сказала Юля подруге. – Что ты как маленькая!

– Был паук, – стояла на своем Марина. – Огромный просто. Черный. Мохнатый. Я перед зеркалом стояла, а он откуда-то на ниточке спустился...

– На паутинке.

– Что?

– На паутинке. У пауков нет ниточек, одни паутинки.

– Паутинка, ниточка, какая, на фиг, разница! Главное, он повис у меня перед глазами и лапами шевелит.

– А дальше?

– А дальше я заорала.

– А паук что?

– Он на подзеркальник прыгнул. И веришь, Юлька, он прямо в зеркало влез. Прямо туда! Марина дрожащим пальчиком указала куда. Юлька всмотрелась пристальнее.

– Там нет ни трещины, ни щели, – резонно сказала она. – Паук не мог туда проскочить. Если он только не какой-нибудь фантастический паук, который ходит сквозь зеркала и стены... Успокойся, Маринка. Ой! У меня же ванна наполняется! Чур, ты моешься после меня!

Юля скоренько переделась в купальный халатик, взяла свои полотенца и прочие банные принадлежности и поскакала к двери.

– Юль! – остановил ее жалобный возглас. – Я боюсь оставаться одна.

– Прекрати эти глупости, Маринка, – строго сказала Юля и даже поразилась взрослости своего голоса. – У тебя глюки от переутомления. Сейчас вымоемся, потом поужинаем, и спать. И никакие пауки тебе больше не будут мерещиться.

– Но он был, был!

– Ага. А еще здесь был Джонни Депп и давал тебе автограф, – хмыкнула Юля и принялась спускаться. Джонни Деппом она очень правильно вернула подругу к реальной жизни. Джонни Депп был Марининой платонической любовью, и стоило ей переключиться на его многочисленные таланты и достоинства, как никакие пауки, а также торнадо, землетрясения и маньяки Марине были не страшны. Так что теперь Юля могла за нервную систему подруги не опасаться.

Юля выкупалась, спустила воду и принялась набирать ванну для Марины. Приятная расслабленность и довольство жизнью заключили ее в свои объятия. Юля по натуре была оптимисткой и в любой ситуации могла найти нечто приятное для собственного бытия. Сейчас ее даже радовало отсутствие тетушки. Как славно, что этот вечер они с Мариной проведут вдвоем, попивая чай на террасе и вдыхая аромат здешних цветов, а не отвечая на бесконечные тетины вопросы насчет университетской жизни, видов на будущее и подобного прочего.

– Маринка! – крикнула Юля. – Иди, я тебе ванну набрала! А я пойду ужин готовить! Маринка! Ты что, опять паука обнаружила?!

– Угу-гу-у-у-у! – ответило Юле утробное жутковатое эхо.

По спине девушки пробежал холодок. Наша героиня, безусловно, была героиней храброй и не подверженной неврастению, но в десять часов вечера, да еще после ванны, нервы расшатываются даже у святого, если он в ответ на свои вполне нормальные слова будет получать такой вот малопрстойный вой.

– Я сейчас кому-то сверну шею, – пообещала Юля, заматывая свои длинные мокрые волосы махровым полотенцем. – Сейчас все здешние укальщики и угугукальщики у меня начнут обливаться горячими слезами. Маринка! В последний раз зову!

– У-у-у-у-у-у-у! – заметалось по всему дому.

– Так, – поджала губы Юля и решительно взяла в руку тяжелый флакон с шампунем.

В комнате на втором этаже Марины не оказалось. Юля на всякий случай, смеясь сама над собой, заглянула в платяной шкаф, но там обрелись только их с Мариной платица, блузочки и джинсы.

– Маринку утащили привидения, – пробормотала Юля и спустилась.

Привидения оказались ни при чем. Марина обрелась в кухне, где она самозабвенно уплетала зефир.

– Чудо ты мое, – сказала подруге Юля. – Я тебя по всему дому ищу, зову.

– Я не слышала, как ты меня зовешь.

– Ой, хватит врать! А выл кто?

– Выл? Это не я!

– Маринка, врешь ты неубедительно и вяло. Ну конечно, это выли местные призраки. Иди-ка ты мыться. И хватит лопать зефир, ты потолстеешь! На ужин скормлю тебе один кефир!

Маринка хихикнула и отправилась купаться. Юля включила свет на кухне (сумерки стали уже совсем плотными), поставила на плиту чайник и принялась тщательно изучать содержимое холодильника. Через минуту она уже была с добычей – диетический творог «Поющая королева», сливки «Щедровские» и упаковка йогуртов местного производства. Под нехитрую песенку чайника Юля символически сервировала стол, и тут ей взбрело в голову выйти в сад – сорвать два-три цветка, чтобы украсить ими их скромную вечернюю трапезу.

Юля не стала переодеваться, а вышла на крыльцо в купальном халате. Щедровский вечер окутал ее теплом, уютным и мягким, как плюшевая игрушка. Юля обошла дом и попала в сад. Здесь было совсем темно, но в этой темноте белели звездочки душистого табака, пышные шапки флоксов и гортензий, гордые венчики королевских белых лилий. Юля сделала еще несколько шагов (трава нежно и шелковисто щекотала ее ноги) и попала в розарий.

Это она определила по аромату, сошедшему на нее как небесная благодать. А потом глаза, привыкшие к темноте, различили темные и белые розы, крупные, напитавшиеся росой. Над розами кружились светлячки, придавая картине сказочную атмосферу. Нет, сорвать такую розу

было бы святотатством. Юля подышала немного пьянящим розовым ароматом и повернула обратно.

И, сделав шаг, наткнулась на обросшую мхом бревенчатую стену!

– Что такое? – прошептала Юля. – Этой стены здесь не может быть! Ее ведь не было, и значит... Это мне мерещится!

– Угу-угу-угу-у! – вкрадчиво, будто здороваясь, прозвучало рядом. Юля вздрогнула и повернула голову. Никакого сада не было. Вместо сада она увидела кладбище со стройными рядами освещенных луной надгробных плит. На ближайшую из этих плит села огромная сова и смотрела на Юлю желтыми, горящими как габаритные огни глазами.

– Не верю! – топнула ножкой Юля. – Это мне мерещится! Этого быть не может!

– Уг-угу-уг? – поинтересовалась сова и мигнула.

– Не может быть, и всё! – сказала сове Юля. – Пошла прочь!

Сова сверкнула глазами так, что Юля поневоле зажмурилась. А когда разожмурилась, действительно ничего ужасного и непонятного не было – ни бревенчатой стены, поросшей мхом, ни кладбища, ни глазастой совы. Был сад, был прелестный цветник, воздух пах цветами, и в двух шагах был тетин дом. Юля всё-таки решилась и сорвала три гортензии – не говорить же Маринке, что ее поход окончился непонятным мороком. Тем более что Маринка девица и без того дерганая.

Юля вошла в кухню. Марина уже искупалась и теперь в такой же, как у Юли, чалме на волосах заваривала чай. Увидев букет, она ахнула:

– Какая прелесть! Что это за цветы?

– По-моему, гортензии. Поставим в вазу, будет украшать стол. Знаешь как в саду здорово? Завтра утром обязательно в нем побываем!

Юля говорила это, кривя душой. Сова и кладбище еще не стерлись из ее памяти. Но она надеялась, что призраки, назойливо одолевавшие их с Мариной вечером, с утра исчезнут и станут ничем не примечательным воспоминанием.

Ваза нашлась на подоконнике. Юля поставила в нее гортензии, водрузила вазу на стол, и они с Мариной принялись пить чай, заедая его творогом со сливками. В саду выводила трели какая-то птица (явно не сова). Марина налегала на зефир с непонятной страстью. Юля вспомнила, как в столице подружка постоянно сидела на диетах, и засмеялась:

– Тут от твоих диет ничего не останется.

– Нишего, – прошамкала Марина с набитым ртом. – Я буду бегать. Што кругов. Ф парке.

– А... Понятно. Чтобы почаще попадаться на глаза тем симпатичным байкерам...

– Уфью!

– Не убьешь. Ты без меня пропадешь, Маринка. Кто-нибудь в доме снова завоюет, ты сразу лапки отбросишь.

Маринка прожевала и сказала раздумчиво:

– Это точно. И хотя ты мне не веришь, Юлька, с этим домом точно что-то нечисто. Я видела своими глазами, как паук прошел сквозь зеркало. Вот.

– Некоторые люди еще и не то видят... – протянула, смеясь, Юля.

– Я не наркоманка, мерси, – парировала Марина. – Слушай, а может, твоя тетушка... того?

– В смысле?

– В смысле ведьма. Колдунья. Зачем ей травки, которые лесник нам передал? Наверняка для всяких этих... колдовских составов! И мыши тоже – для жертв!

– Ох, велики ли жертвы. Ты посмотри на бедных мышек – они же вдвоем меньше рубля! Маринка, опять ты глупости говоришь. Моя тетя профессор, а не ведьма. Идем спать. Сил уже нет сидеть. Я сейчас прямо в тарелке засну.

– Идем. Но я бы очертила наши кровати охранительными кругами.

– Ну если ты потом хочешь полдня мыть полы, то черти. А я не буду.

Девушки выключили свет в кухне, проверили, заперта ли входная дверь, и поднялись в спальню. Здесь уютно светились торшеры; постели, застеленные свежим белоснежным бельем, так и манили к себе истомленные тела наших путешественниц. Девушки разделись, пожелали друг другу спокойной ночи и нырнули под одеяла. Погасили торшеры. В овальное окно спальни лился молочный свет луны.

С четверть часа было тихо. Потом Марина завозилась в постели и приподняла голову:

– Юлька! Юль! Ты не спишь?

Послышался глубокий, исполненный мировой скорби вздох:

– Только что пыталась. Чего тебе, счастье мое?

– По-моему, внизу кто-то ходит.

– Марин, это уже неостроумно. У тебя то наверху кто-то ходит, то внизу. Найди что-нибудь пооригинальнее, если хочешь не давать мне спать.

– Хи-хи. Хочешь, расскажу анекдот про грузина и железнодорожную кассу?

– Валяй.

Марина рассказала. Девушки посмеялись, а потом как по команде затихли.

Потому что внизу кто-то действительно ходил, мерно поскрипывая половицами.

– Не нравится мне этот дом, – дрожащим голосом сказала Марина. – Может, завтра переедем в гостиницу?

– Еще чего удумала... Может, мы не заметили, а в доме у тети живет какой-нибудь домашний любимец... Кот, к примеру. Он весь день спал где-то в уголке, а сейчас вышел погулять.

– Хотела бы я знать, сколько весит такой кот!

– Ну что, будем пытаться продолжать спать или спустимся и посмотрим, в чем дело?

– Спать... Нет, спустимся. Юль, только давай возьмем какое-нибудь оружие!

– Угу. Ты что, привезла с собой дедушкину берданку и прабабушкин самурайский меч?

– Юлька, прекрати хихикать!

– А ты прекрати говорить глупости. Встаем и идем.

Девушки включили торшеры, сели в кроватях и храбро посмотрели друг на друга.

– Идем?

– Идем.

Они, как могли, бесшумно спустились вниз. И замерли на последней ступеньке. Потому что привычного коридора перед ними не было. А была круглая комната с узкими стрельчатыми окнами, сквозь которые лился чарующий лунный свет. В комнате не наблюдалось никакой мебели, если не считать нескольких канделябров на полу. В канделябрах горели толстые витые свечи разных цветов.

– О-ой, – закономерно произнесла Марина и тихонечко осела на пол. Рядом с ней пристроилась Юля, вцепившаяся дрожащими пальцами в перила и неоригинально повторявшая:

– Это нам снится, точно снится...

Но даже если это и снилось, сон только начинался. Потому что узкие окна приветственно распахнулись и сквозь них в комнату начали грациозно запрыгивать кошки, бесчисленные кошки, одна за другой.

Их ярко освещала луна, и было видно, что здесь присутствуют и пестренькие беспородные красотики, и породистые сиамские, ангорские, шотландские и балинезийские маркизы и герцогини. Почему-то девушки, в мертвом молчании наблюдавшие за этим нашествием кошек, поняли, что среди этой неожиданной компании нет ни одного кота. Что это – совершенно женское сборище.

Кошки чинно расселись полукругом посреди комнаты и принялись вылизываться. Когда с вылизыванием было покончено, худая, с горящими зелеными глазами кошка утробно мяук-

нула. Следом за нею промяукали еще несколько кошек. И тогда канделябры с горящими свечами плавно поднялись в воздух, а затем опустились посреди кошачьего полукруга, образуя правильную пентаграмму. Свечи вспыхнули ярче; от каждой свечи к другой протянулся лучик света, и пентаграмма засияла так, что больно было глазам. В этом свете кошки, казалось, увеличились в размерах, но на самом деле это только мерещилось перепуганным и ошеломленным девушкам.

Некоторое время длилось молчание, а затем худая зеленоглазая кошка сказала человеческим голосом:

– Мы собрались здесь, чтобы приветствовать гостей нашей благословенной хозяйки.

Поприветствуем же!

– Му-урм! – согласным хором сказала кошачье собрание.

Зеленоглазая же кошка продолжала:

– Юлия и Марина, пожалуйста, не страшитесь нас. Мы всего лишь верные слуги госпожи Анны, а значит, верно будем служить и вам. Мы не причиним вам никакого вреда. Прошу вас, подойдите к нам, познакомьтесь с каждой из нас.

Словно во сне, девушки встали и подошли к кошкам. Страх куда-то подевался, осталось любопытство. Юлия и Марина раскланивались с каждой кошкой, а та вежливо называлась:

– Женэ.

– Очень приятно.

– Мэри.

– Весьма.

– Маргарет.

– Какое прекрасное имя!

– Сара.

– Рады знакомству.

– Рэчел.

– У вас прелестная шерстка. Чем моете?

– Мэгги.

– Вам очень идет это имя.

– Петронилла.

– Шикарно!

– Эльза.

– Как мило.

– Урсула.

– Я всегда уважала старинные имена.

– Барбара.

– Очаровательно.

– Мадлин.

– Редкое имя.

– Аполлония.

– Еще более редкое имя! Чудеса просто.

– Бригитта.

Бригиттой оказалась худая кошка с зелеными глазами. Она изящно поклонилась, а затем сказала:

– Теперь, когда мы представились вам, вы можете всегда воззвать к нашей помощи. Надеюсь, вы запомнили наши имена. В теперешней своей жизни можем мы немного, но всегда рады помочь. Чего бы вы сейчас желали, Юлия и Марина?

– Ну, хотелось бы проснуться и понять, что всё это было сном...

Кошки замурлыкали и засмеялись.

– Что вы! – тонким голосом сказала Мадлин. – Это никакой не сон. Разве вы не видите сияния луны так же, как и мы? Разве не чувствуете аромата садов, где можно бродить до рассвета и предаваться мечтам? Вы такие милые девушки, но такие наивные!

– Неужели вы еще ничего не поняли? – спросила кошка Аполлония.

– Мы поняли, что сошли с ума, – сказала Юля.

– Да нет же, – снова засмеялись кошки. – Вы среди подруг по Ремеслу.

– То есть?!

– Вы среди ведьм, девочки, – изящно почесывая лапкой за ушком, сказала Урсула.

Книга теней, тень первая. Германия

– Вы среди ведьм, жители Вальдзее! – громогласно кричал с кафедры высокий, изможденный постами и молитвами человек в черных одеяниях монаха. – Вы долго спали и пребывали в неведении, но пора бы вам и проснуться по слову евангельскому!

По церкви прокатился глубокий вздох. Жители Вальдзее, заштатного немецкого городка, верили в ведьм лишь постольку, поскольку в них верили все. Хотя жена скорняка Марта Усвальд и говорила недавно своей соседке Шарлотте Декрю, что повивальная бабка, приехавшая из какой-то деревни, обладает, по всему, дурным глазом. Но ведь не станешь же верить всякому слову вздорных баб!

Ведьм жгли уже по всей Европе, жгли их и в Германии. Но до сих пор Вальдзее миновала чаша сия. Может быть, потому, что жил в Вальдзее народ мирный и не склонный к подозрительности, а может быть, потому, что преподобный отец Бернارد, духовник всего города, учил больше взирать на собственные трехи, чем выискивать их за соседским забором...

Но вот времена изменились. Конечно, в Вальдзее слыхали и о папской булле, и о великой, страшной для злодеев книге «Malleus Maleficarum»¹. Но всё это казалось таким далеким от вялой и сонной городской жизни, таким призрачным... В прошлом году скотницу Якобс даже не побили камнями за то, что она неизвестными травами вылечила теленка Пенманов. Ну какая из старой скотницы ведьма?

Однако проповедник, приехавший, как он утверждал, прямиком из Испании, говорил, что пора покончить с таким безбедным существованием. Что ведьмы есть (и не одна причём) в каждом городе. И главная задача отцов города и благочестивых жителей – этих ведьм предать справедливому суду.

Приезжий монах представился городскому и церковному совету как теодитор Августин Кермель, брат святого ордена Защищающих Бога. Брат Августин был снабжен всеми бумагами, необходимыми для того, чтобы открыть в Вальдзее настоящую охоту на ведьм.

...Он закончил свою проповедь молитвой, в которой призывал огонь небесный на всех еретиков и тех, кто вступает в сговор с нечистым, а затем сказал:

– Благочестивые жители Вальдзее, я сообщаю вам, что остановился в доме при храме. И двери моей смиренной кельи будут всегда открыты для тех, кто предан вере и хочет обличить зло.

Жители поняли это так: приходите, люди добрые, донесите на тех, кто вам не по нраву, а уж представитель святой инквизиции разберется, какая овца хороша, а какая только портит Христово стадо.

Конечно, в любом городе не обойдется без пакостников и мерзавцев. В Вальдзее это был Готфрид Пульмер, разорившийся и спившийся дворянчик, проживавший последние крохи своего когда-то немалого наследства. По городу ходили слухи, что Готфрид сватался к богатой вдове Шварц и получил отказ и насмешку. После этого Готфрид, напившись в харчевне, поносил вдову и говорил, что будто бы она лишает мужчин их силы всякими колдовскими способами. Тогда на его болтовню никто не обращал внимания...

Вечером того дня, когда теодитор произнес с церковной кафедры свою речь, призывающую обличать ведьмовство, в «смиренную келью» принесли первый донос.

«Свидетельствую, что вдова Ева Шварц есть колдунья и богомерзкая ведьма. Своими заклинаниями она отнимает мужскую силу, портит скот, вызывает засуху, дождь, мор и поветрие. Свидетельствую также, что к упомянутой вдове по пятницам ночью ходит демон, с коим

¹ «Молот ведьм»

она предается отвратительному распутству. Также замечено было, что вдова неоднократно летала на помеле на шабаш».

Донос не был подписан, но подписи и не требовалось теодитору Августину. Он прибыл в город с писцом и двумя подручными, и этих-то подручных теодитор и направил в чистенький домик вдовы.

Дело Евы Шварц рассматривалось три дня. Поначалу вдова отрекалась от всех обвинений и говорила, что на нее возвели напраслину, но, когда к ней применили пристрастный допрос, она призналась во всём: и в богомерзком колдовстве, и в связях с дьяволом, и в некромантии, и в полетах на шабаш. Своими сообщницами вдова назвала Бригитту Винцил и Катарину Эйнслер. Эти женщины также были схвачены и подвергнуты пыткам. И под пытками сознались в том, что они ведьмы.

На четвертый день охоты возле городской ратуши уже сооружали помост для трех ведьм и подтаскивали сухой хворост. Сограждане, напуганные таким разгулом ведьмовства в их мирном городке, уже с утра занимали места на площади, чтобы поглазеть на казнь. В Вальдзее до этого еще не сжигали ведьм.

Августин торжествовал. За такой короткий срок – и уже пойманы три ведьмы. Если дело пойдет так дальше, в Вальдзее можно будет устроить показательный процесс вроде того, что был в Толедо. Главное, чтобы эти простаки верили в его непогрешимость и умение бороться с дьяволом. И тогда на его личном счету будет еще больше спасенных душ.

Ведьмы, подготовленные к аутодафе, были смертельно бледны и перепуганы, но это не смущало толпу, которая была перепугана еще больше. Вчерашние подруги и соседки плевали в лицо богопротивным колдуньям, мужчины отворачивались, боясь, как бы ведьмы не сглазили их... И лишь когда запылала три костра и среди пламени закричали три женщины, корчась в муках, толпа и сам теодитор вздохнули с облегчением. Ведьмы не победят. Они не могут победить.

Прошло еще две недели. Костры на городской площади почти не угасали. Было сожжено еще пятнадцать женщин, две малолетние девочки, признавшиеся в соитии с демонами, а также мужчина, бывший оборотнем. «К вящей славе Божией, всё творю я к вящей славе Божией», – повторял теодитор. Имущество казнимых передавалось Церкви, и подчас это было не самое плохое и малое имущество. Ничего, зато души сжигаемых обретали долгожданное очищение и спасение. Разве не так?

Близилось полнолуние. Теодитор знал, что в дни полнолуния темные силы становятся еще более могущественными. У теодитора теперь был целый штат соглядатаев и доносчиков, которые следили за каждой подозрительной женщиной в Вальдзее. И если какая-нибудь ведьма осмелится вылететь на шабаш... О, ей не поздоровится!

В этот лунный вечер теодитор побыл на вечерне и отправился к себе в келью, чтобы заняться написанием писем главе своего ордена. Его миссия в Вальдзее была успешной, об этом он и хотел сообщить.

Он не заметил, как засиделся до полуночи. Очнулся только тогда, когда часы на ратуше пробили двенадцать раз.

– Время сотворить полночную молитву, – сказал Августин, вставая перед распятием и привычно беря в руки четки. Свет нескольких свечей освещал измученный лик Спасителя, и Августин прошептал: – Всё во имя Твое...

И тут он почувствовал, что в келье не один.

Теодитор обернулся, не ведая в сердце страха.

Перед ним стояла женщина.

Она была одета в платье, переливающееся белым и голубым светом, на распущенных волосах сверкала серебристая прозрачная накидка. Женщина была молода и прекрасна, а в ее темных бархатных глазах словно сосредоточилась вся греховная мудрость мира.

– Прости, что прервала твою молитву, Августин, – сказала женщина глубоким мелодичным голосом.

Теодитор осенил себя крестным знаменем, но женщина не исчезла. Только глаза ее приобрели аметистовый блеск, да еще она убрала со лба непослушную выбившуюся прядь.

– Кто ты? – спросил теодитор.

Ему всё еще не было страшно. Да и кого бояться? Женщины? Этого немощного и низменного существа, которое Бог сотворил по какой-то непонятной ошибке? В богословских кругах давно шел спор о том, считать ли женщину человеком и признавать ли то учение, в котором говорилось, что и женщина имеет бессмертную душу. Августин склонялся к мнению, что у женщин, как и у животных и прочих ползающих по земле тварей, нет бессмертной души. Но Церковь учила быть милосердным, и он старался. Ибо костры, поглощавшие ведьм, были актом милосердия.

– Кто ты? – повторил теодитор.

– Ведьма, – спокойно сказала женщина.

Теодитор не дрогнул.

– Назови свое имя, – приказал он.

– Имя мне – Женщина, – сказала она. – Другого имени я не знаю. Все прочие имена даете вы, наши гонители и ненавистники.

– Для чего ты пришла? Впрочем, не отвечай, я понял: ты пришла покаяться и отдать себя в руки правосудия. Что ж, это похвальный...

– Помолчи, теодитор, защитник Того, Кто не нуждается в защите, – сухо оборвала его женщина. – Мне не в чем каяться. И уж точно я не хочу связываться с таким правосудием, как ваше. Хорошенькое правосудие! Вы пытками вытягиваете из невинных чудовищные признания! Вы заставляете людей клеветать на самих себя!

– Это не так.

– Это так. Среди тех, кого ты сжег, теодитор, не было ни одной настоящей ведьмы. Все твои жертвы были невинны и чисты перед вашим Богом. А я... Я ведьма настоящая. Но меня ты не сожжешь. Не сожжешь, пока я сама этого не захочу. А я не захочу этого никогда.

Женщина рассмеялась. Глаза ее засверкали, как две звезды.

– Я заклинаю тебя именем... – начал было теодитор.

– Оставь, – сказала женщина. – Ты и сам в Него не очень-то веришь. Он для тебя – ступенька в карьере, не больше того. Я ведь знаю всё твоё прошлое и будущее, теодитор. Ты был нищим и забытым, никому не известным причетником в старой разваливающейся церквушке. Но у тебя были честолюбивые замыслы, и благодаря собственному тщеславию ты вступил в орден. Ты стал рыскать по Европе и жечь ведьм, потому что знал – это поможет тебе возвыситься.

– Все мои дела ради славы Божией! – воскликнул Августин.

– Нет. Уж мне-то не лги. Ради твоей славы. И только твоей.

– Ты исчадие ада! – прошипел теодитор.

– А ты знаешь, что такое ад? Ад – это твоё собственное сердце, теодитор. Но я пришла не за тем, чтобы рассуждать на темы ада. Я хочу предложить тебе сделку, теодитор.

– Сделку с пособницей дьявола?! Никогда!

– Я же еще не сказала тебе условий сделки. Послушай меня внимательно, Августин. Ты больше не сожжешь ни одной ведьмы – ни здесь, в Вальдзее, ни где бы то ни было. Ты выйдешь из ордена и станешь простым добрым христианином. Может быть, даже женишься...

– Нет!

– Ах, тебе ведь нет смысла это делать с твоей-то болезнью... Ну, жениться не будешь. Так вот, ты сделаешь всё, как я велю. А взамен... Взамен я дам тебе мудрость и силу, какой нет ни у кого из смертных. Ты будешь видеть то, что невидимо, слышать то, что неслышимо, осознать

то, что неосяземо... Ты будешь мудр, как архангел, и прост, как святой. Твои руки будут исцелять все человеческие недуги одним прикосновением. Люди при жизни будут считать тебя блаженным небожителем. Ты стяжаешь великую славу и великую мощь...

– Отойди от меня, сатана! – вскричал теодитор.

Женщина вздохнула.

– Это, как я понимаю, означает отказ? – спросила она.

– Я никогда не соглашусь на твои дьявольские посулы, – проговорил теодитор гневно.

– Ну что ж, – вздохнула женщина. – А я не позволю тебе безнаказанно истреблять невинных, на которых ты и твои приспешники возводите поклеп. Уезжай из Вальдзее, пока не поздно, уезжай в какой-нибудь глухой монастырь и молись там о своих прегрешениях. И не тронь больше ни одной женщины!

– Я сжигаю не женщин, я сжигаю ведьм! Сжигаю и буду сжигать! – прокричал теодитор в ярости. – Да поможет мне Небо!

– Хорошо же, тупой мужлан, – прищурила глаза женщина. – Вот тебе мое слово: когда ты будешь сжигать или мучить женщину, визнавая, не ведьма ли она, будет гореть и терзаться твоя собственная плоть. Снова и снова с каждой твоей жертвой она будет приносить тебе мучительнейшие страдания. Чтобы ты знал – каково им... И в отличие от своих жертв, ты не умрешь. Я отказываю тебе в смерти, ведь смерть – это то, с чем ведьмы знакомятся прежде всего. Ты будешь жить, переходя из года в год, из века в век, ненавидя Небеса и моля их о пощаде. И ты будешь искать меня, только меня – настоящую ведьму, ибо, когда ты меня найдешь, я, так и быть, прекращу твои мучения. И еще: раз в каждые сто лет в неизвестной стране, в другом обличье и под вымышленным именем я буду приходить к тебе и снова предлагать сделку. Может быть, тогда ты согласишься... А теперь прощай, я уйду.

– Ты думаешь, я позволю тебе уйти, проклятая ведьма? – взревел Августин. – Эй, Питер, Марк, Фриц, хватайте ее!

Но никто из верных слуг и стражей не отозвался на крик теодитора.

– Я навела на них сон, – простосердечно улыбнулась ведьма. – Или ты считаешь меня настолько бесталанной? Кстати, не желаешь ли поглядеть на моих слуг и телохранителей? Я хочу, чтобы ты знал, с кем имеешь дело.

Ведьма хлопнула в ладоши. От ее хлопка в разные стороны полетели яркие золотые искры. И теодитор впервые ощутил в сердце истинный ужас.

Ибо стены его кельи стали прозрачными, как стекло, и сквозь них лился в комнату поток молочно-белого лунного света. А еще теодитор увидел, что его келья окружена чудовищами, которых измыслить не могло даже самое прихотливое человеческое воображение. Чудища, напоминавшие мифических зверочеловеков кентавров, непрерывно рычали и светили своими огромными глазами так, что Августину на миг показалось – он ослепнет.

– Что, хороши? – спросила теодитора ведьма. – Один мой приказ, и они растерзают тебя, жалкий человечиска.

– Ты не заставишь меня отречься от Всевышнего своими ложными чудесами! – прошептал теодитор.

– Я не призываю тебя отречься от Всевышнего, – сказала ведьма. – Я лишь прошу тебя отречься от инквизиции. Инквизиция и твой жестокий орден не имеют к Богу ни малейшего отношения. Как же ты этого не поймешь?

Ведьма махнула рукой, и стены кельи вернулись на место. Но рычание зверей не умолкало. Так казалось Августину. Тогда он воздел руки к небу и стал вслух произносить самые великие молитвы. Но хоть уста его и произносили священные слова, душа была пуста и нема, как деревянная бочка.

Ведьма с грустью смотрела на теодитора. Потом вздохнула:

– Скольких смертей можно было бы избежать...

Лицо ее затуманилось, а потом стало зеркально-серебряным. Да и вся она была словно отлита из серебра...

– Прощай, теодитор, – сказала ведьма. – И помни обо мне.

Ее фигуру окружило облако серебряного света. Затем последовало колыхание воздуха, сильное, как при урагане. Не удержавшись, Августин упал на колени. Закрыв глаза, чтобы не видеть адского сияния. Когда же теодитор осмелился открыть глаза, в его келье никого не было. И тишина, тишина провинциального городка окутывала землю.

Августин поднялся с колен и выбежал из кельи. Так и есть: у дверей, привалившись друг к другу, спали верные его охранники и помощники. Он еле растолкал их.

– Что такое, что случилось, господин теодитор? – переполошились охранники.

– Здесь только что была ведьма, – севшим голосом сказал Августин. – И с нею великое множество тварей, рыкающих, как сама преисподняя.

– Мы ничего не слышали, – сказал Фриц Кисслер. – Правда, парни?

– Простите, господин, мы спали, – повинились Питер и Марк. – Видно, проклятая ведьма навела на нас сон.

– Я должен найти ее, – сказал теодитор, глядя в ночное, усыпанное звездами небо. – Должен найти.

Через день после этого охота на ведьм и казни прекратились в Вальдзее. Разве что Сару Циллер сбросили с башни, но и то потому, что она была не ведьма, а известная знахарка, лечившая мужчин от дурной болезни. Спустя же неделю теодитор из ордена Защищающих Бога со своими сподвижниками отбыл из тихого германского городка. И ни одна человеческая душа не знала, куда он направляется.

Глава 4. О снах и сновидениях

- Знаешь, Марина, – раздумчиво сказала Юля, – я уверена, что нам всё это приснилось.
- И кошки?
- И кошки. Ну сама посуди, как могло такое быть? Пентаграмма из свечей, говорящие кошки...
- А разве может один и тот же сон присниться двоим?
- Ну, наверное, может, раз нам приснился. Ведь самое интересное что?
- Что?
- Сейчас утро, и мы лежим в своих кроватях. При этом мы не помним, как в них возвращались. А это значит...
- ???
- Что мы их и не покидали. Вот. Мы просто переутомились. Дорога, байкеры, новые впечатления. Вот и приснилось нам черт знает что.
- Ну да.
- Ой!
- «Ой» – это моя реплика.
- Извини. Ойкой, пожалуйста, себе на здоровье.
- Ой!
- Вот. Теперь и ты слышишь – кто-то ходит внизу.
- Не смешно.
- Кто-то останавливается у нашей лестницы.
- Прекрати!
- Кто-то начинает подниматься по нашей лестнице...
- Ай-й!
- И этот «кто-то» поднялся по вашей лестнице, и этот «кто-то»... – раздался красивый звучный женский голос.
- Ой, – неоригинально сказала Марина.
- Ой, – сплагатничала Юля.
- Здравствуйте, девушки, – отодвигая дверь, сказала красивая, чуть полноватая женщина лет тридцати пяти-сорока. В ее темных изучающих глазах прыгали веселые искорки. – Я тетюшка Юли. Из Щедрого. Где в лесах много-много диких медведей.
- Тетя! – обрадовалась Юля. – Наконец-то!
- Здравствуйте, Анна Николаевна, – поднялась и Марина. – Вы утром приехали?
- Да, пораньше. Очень торопилась закончить все свои дела и поскорее увидеть вас, мои славные девочки. Юленька, а ты еще выше, чем на фотографии.
- А вы, тетя, еще моложе и красивее!
- Льстишь, льстишь... Это всё массаж, макияж и серия кремов «Антивозраст». Ну ладно, девочки. Я иду готовить завтрак, а вы приводите себя в порядок. Встретимся в столовой. Кстати, вам хорошо спалось?
- Да ничего, – слегка покривила душой Юля.
- Женихи не снились?
- Какие женихи, тетя?
- Ну как же! «На новом месте приснись жених невесте»...
- Нет, не снились, – засмеялась Марина. – Вот Юльке зато приснились тринадцать кошек.
- Тринадцать кошек? – Анна Николаевна на миг замедлила шаг у двери. – Таких говорящих, остроумных?

– Именно, именно, – улыбнулась Юля. – Они сказали, что вам служат. Надеюсь, это не мои женихи...

– Я тоже на это надеюсь, – ласково улыбнулась тетя. – Потому что у меня действительно в услужении находятся тринадцать весьма понятливых и славных кошек. Всё, девочки, я на кухню. Иначе мой фирменный молочный рулет превратится в головешки.

Девушки быстро привели комнату и себя в порядок. Умывшись, Юля вышла на террасу. Сад благоухал утренней свежестью. Но в пейзаже образовалось изменение – на широкой дорожке блестел мокрыми шинами и цветом «взбесившийся красный» изящный и мощный спортивный «Би Эм Даблю».

– Ничего себе какая у тети машина, – вслух одобрительно подумала Юля. Впрочем, чего ж ждать: тетя – профессор, а значит, человек обеспеченный. Вот только цвет «взбесившийся красный». Как-то это уж слишком даже для профессора.

Наконец все собрались за столом. Юля сразу заметила перемены: стол был накрыт не вчерашней клетчатой, а белой с синими ирисами скатертью, в вазе стояли не гортензии, а великолепный букет оранжерейных роз, да и на сервировку явно пошел самый дорогой сервиз из тетушкиной коллекции.

– Минутку, – подняла палец тетушка. – Прежде чем мы начнем завтракать и беседовать, я хочу обеспечить нам приятное музыкальное сопровождение.

Тетя подошла к стене, нажала на неприметную панель, и со всех сторон в комнате зазвучала нежная музыка и на ее фоне нежнейший женский голос.

– Волшебство! – нервно засмеялась Юля.

– Ничуть, – сказала Анна Николаевна. – Просто хорошая встраиваемая техника. Не могла себе отказать в этом удовольствии.

– А кто это поет?

– Лорина Маккеннит. Довольно известная певица в узких кругах любителей этнической музыки. Но хватит разговоров. Девочки, завтракайте, я больше не могу выносить взгляда ваших голодных глаз! И заодно скажите мне, удался ли молочный рулет.

Рулет удался. Девушки уговорили его во мгновение ока. Да и чай был удивительный: в нем смешались ароматы сливок, дыни, абрикоса – словом, всего того, что превращает прозаическое чаепитие в поэтическую церемонию.

Анна Николаевна с довольным видом рассматривала Юлю и Марину.

– Ну, теперь рассказывайте, – проговорила она, поднося к губам чайную чашку. – Как доехали, всё ли было благополучно, не случилось ли каких происшествий в пути...

– Доехали нормально, – ответила Юля. – Правда, было одно происшествие, в лесу. То есть когда поезд остановился возле леса. К нам в купе лесничий зашел.

– А, братец Потап! – понимающе улыбнулась тетя. – Знаю, знаю его. Он мне ничего не передавал?

– Он вам целый мешок трав передал и еще просил сказать, что бальзам действует.

Анна Николаевна удовлетворенно сказала «хм» и взяла с подноса песочное пирожное.

– Да, а мы вам привезли мышей и арфу, как вы просили, – добавила Юля. – Мы их в белом кабинете оставили. Ничего?

– Ничего, я потом посмотрю. После чая. Точнее, мы вместе посмотрим. Надеюсь, у вас еще нет планов на сегодняшний день?

– Нет вроде... – пожала плечами Юля.

– Хорошо. А то я, пока ехала, пару раз повстречалась на дороге с нашими «Матерыми моторами». Что-то они всё кружат в подозрительной близости от моего дома. Симпатичные мальчишки, верно?

– Ну да...

– Вы вполне можете им доверять. Цивилизованные, порядочные... люди, не чета многим здешним парням. Конечно, и у них есть свои недостатки, но, как говорится, и на солнце имеются пятна... Да, так вот. Думаю, будет неплохо, если экскурсию по городу вы совершите в компании «Матерых». Понимаю, что я нарушаю все правила гостеприимства, но, к сожалению, все ближайшие дни у меня буквально расписаны по часам. Скоро занятия в училище, а у меня еще не составлен план. Да еще с магазином проблемы...

– С каким магазином, тетя?

– Ах, Юля, я же тебе об этом не писала. Видишь ли, я хозяйка салона-магазина «Яблоко Париса». Существует он меньше года, клиентов достаточно, но и проблем хватает. Сами понимаете, что такое в наши дни частное предпринимательство. То налоговая придерется, то арендную плату повысят... Иногда просто руки опускаются, хочется всё бросить. Но и бросить нельзя, потому что мой салон уникален, второго такого в Щедром нет и не будет.

– А чем торгует ваш магазин? – спросила Марина, но Анна Николаевна таинственно улыбнулась:

– Увидите сами! Думаю, вы в ближайшее время туда наведаетесь. Вот только разберусь с пересортицей. Моя продавщица – слишком молоденькая и неопытная, часто путает марки и модели товаров, а магазину от того убыток. Хорошо, еще из покупателей никто не приходил жаловаться. Ладно, девочки, о моих проблемах поговорим позже, если о них вообще стоит говорить. Если вы закончили с чаем, прошу в мой кабинет. Я хочу посмотреть на то, что вы мне привезли.

И снова девушки оказались в белоснежном кабинете. Конечно, интерьер немного портил холстинный мешок и облезлая арфа, но мыши смотрелись вполне симпатично – они ведь тоже были белые, с черными крапинками около носиков.

– Бедняги, – ласково сказала мышам Анна Николаевна. – Намаялись в дороге, устали сидеть в клетке. Ну идите, прогуляйтесь по дому, выберите себе местечко поуютней.

Вслед за этими словами Анна Николаевна открыла дверцу клетки и издала какой-то странный высокий звук, здорово напоминающий мышинный писк. Дремлющие было мыши тут же навострили уши, вопросительно глянули на Анну Николаевну и с достоинством вышли из клеточки. Уселись на ковре и принялись умываться.

– Они же сбегут! – воскликнула Юля.

– Не сбегут, – успокоила ее Анна Николаевна. И вновь издала писк, только более протяжный и нежный. Мыши внимательно выслушали это сообщение, после чего дунули куда-то за книжные шкафы, только их и видели.

– Вы знаете мышиный язык? – засмеялась Марина.

– Конечно, – спокойно ответила Анна Николаевна. – Как и многие другие языки. На самом деле язык зверей отличается крайней простотой, нужно просто особым образом настроить тембр собственного голоса. Вот, например, сейчас я позову птицу...

И Анна Николаевна заклекотала. На подоконник раскрытого окна немедленно уселась заспанная сова и недовольно мигнула глазами.

– Я эту сову видела вчера вечером в саду, – замороженно сказала Юля.

– Да, эта сова живет у меня, – кивнула Анна Николаевна. – Хотя я вовсе не Гарри Поттер. Совы очень полезны для самых различных дел. Вот только почту она у меня не разносит. Почту у меня разносят летучие мыши.

Анна Николаевна клекотнула повыразительнее, и сова отправилась восвояси, только ветки сада шелхнулись.

– Не любит, когда я тревожу ее по мелочам, – пояснила Анна Николаевна, словно извиняясь за нелюбезное поведение совы. – Так, ну а теперь посмотрим арфу.

Анна Николаевна осторожно и любовно взяла в руки нелепый облезлый инструмент, осмотрела его внимательно.

– Ах, – сказала она, ставя арфу на место, – неужели! Неужели мне так повезло? Девушки только и могли, что молчать. А Анна Николаевна говорила сама с собой:

– Судя по клейму, представляющему из себя кинжал и цветок шафрана, это четырнадцатый век... А эти полустертые буквы... Нет, даже поверить страшно!

Анна Николаевна щелкнула пальцами в направлении одного из книжных шкафов. Тот раскрылся, и из него со скоростью пули вылетела книга в темном кожаном переплете с золотым тиснением. Книга влетела в руки Анны Николаевны и принялась листаться сама собой.

– Стоп! – сказала Юлина тетушка. – Вот нужная статья и гравюра. Девочки, подойдите-ка сюда!

Ошеломленные полетом книги девушки подошли на негнущихся ногах.

– Смотрите! – Анна Николаевна ткнула пальцем в пожелтевшую от времени страницу.

Девочки посмотрели. Взорам их предстал текст, напечатанный готическими буквами и, похоже, на латыни. Рядом с текстом была гравюра, изображавшая некое крылатое существо, играющее на арфе, точь-в-точь похожей на ту, что до недавнего времени пылилась на чердаке у Юлиной бабушки.

– Вот, – торжественно сказала Анна Николаевна. – Лунная арфа элементарей.

– И что это значит? – спросила Юля.

Тетушка улыбнулась:

– Это значит, дорогие мои, что привезенная вами арфа никакая ни кельтская, кельты не имеют к ней ни малейшего отношения. Лунная арфа элементарей была создана в единственном экземпляре великим мастером Корнелиусом Магнifico в тысяча пятьсот сорок втором году. Кинжал, цветок шафрана и монограмма «КМ» указывают именно на это. Да и книга «Сокровенная музыка» подтверждает то, что я сейчас сказала. Взгляните на гравюру: вот она, Лунная арфа элементарей!

– Странно, – сказала Юля, отрывая взгляд от гравюры.

– Что странно?

– И на гравюре у этой арфы нет струн.

– Разумеется! – Анна Николаевна с треском захлопнула книгу и взмахом руки отправила ее обратно в шкаф. Шкаф сам собой захлопнулся. – Зачем струны Лунной арфе? Ведь на ней играют в полнолуние, и струнами служат лучи луны и звезд. Разве так сложно это понять? Ах, девочки! Юля, и ты говоришь, что эта бесценная арфа пылилась у вас на чердаке среди всякого хлама?

– Да, у бабушки всё рука не поднималась выбросить...

– И слава святой Вальпурге, что не поднялась! Какое счастье, что теперь Лунная арфа у меня. Я обеспечу ей надлежащее хранение и уход. Девочки, прошу меня извинить, но я должна сделать срочное сообщение по ОВС².

– Что?

– Куда?

Но Анна Николаевна не обратила внимания на изумленные возгласы девочек. Она подошла к столу и сняла покрывало с прозрачного стеклянного шара. Коснулась его указательным пальцем правой руки. И шар из прозрачного стал молочно-белым, а затем засиял словно круглая радуга.

– Я хочу сделать заявление, – сказала Анна Николаевна радужному шару.

– Приоритет? – равнодушно буркнул шар.

– Верховный.

² ОВС – Общая Ведьмовская Сеть. Создана по аналогии с Интернетом, но в качестве носителей и модемов используются магические кристаллы. ОВС упоминается в трилогии о Викке Белинской и в романе «Признак высшего ведьмовства». – *Примеч. авт.*

– Соединяю.

Шар сменил радужное сияние на лиловое. В этом лиловом сиянии что-то бурлило, синие искры метались, словно заточенные в банке мухи. Шар произнес красивым женским голосом:

– Приемная Госпожи Ведьм. Ваше Истинное Имя и цель соединения.

– Перестаньте, Мари, вы прекрасно знаете, кто я.

– А с вас станется, Анна Николаевна, Дашку то и дело беспокоить! Она, между прочим, на пятом месяце! Дайте ей доходить срок спокойно! Что у вас там стряслось? Говорите, я сестре передам, если ничего волнующего или кровожадного. Опять вампиры взбесились?

– Никоим образом. Маша, я всё расскажу вам, но обещайте, что проболтаетесь только Госпоже Ведьм. А то знаю я ваше сарафанное радио.

– Обижаете, Анна Николаевна. Так в чем дело?

– Помните, я посылала сообщение, что напала на след Лунной арфы элементарей?

– Было дело. Дашка по этому поводу много смеялась, говорила, что такого просто быть не может.

– И тем не менее, моя дорогая Мари! В моей комнате в двух шагах от меня находится самая настоящая Лунная арфа элементарей, созданная...

– Я знаю, кем создана Лунная арфа, – быстро и серьезно сказала из кристалла Мари Белинская. – Анна Николаевна, это точно она?

– Сомнений быть не может. Клеймо мастера на месте, совпадение с гравюрой в «Сокровенной музыке» просто идеальное.

– Анна Николаевна, Ложа Магистриан-магов ничего не должна об этом знать.

– Мари, я тоже так думаю.

– Как к вам попала Арфа?

– Это долгая история. Когда-нибудь расскажу на досуге. Сейчас мы должны решить, что с Арфой делать?

– Придется всё-таки подключать сестру. Извините, Анна Николаевна, одну секундочку. Свет кристалла померк, а затем из лилового стал приятно апельсиновым.

– Благословенны будьте, Госпожа Ведьм, – сказала Анна Николаевна апельсиновому шару.

– Благословенны будьте, Анна Николаевна. – Теперь голос был немного другой: тоже красивый, тоже женский, но чуть-чуть усталый и заспанный. – Давайте без церемоний.

– Дарья Авдеевна...

– Просто Дарья. Анна Николаевна, я вам в дочки гожусь. Что случилось? У Машки вид такой, будто она проглотила мадагаскарского таракана.

– Дарья, случилось невероятное. Лунная арфа элементарей найдена!

Некоторое время апельсиновый шар молчал. Затем заговорил снова:

– Это точно она?

– Дарья, сомнений быть не может. Да и кому придет в голову подделывать то, что подделывать в принципе невозможно?!

– Логично. И Арфа у вас?

– У меня. Но вы же понимаете, хранить ее в собственном доме всё равно, что хранить «Мону Лизу» или Колизей! Это сокровище должно быть общим достоянием!

– Я предпочла бы, чтобы это сокровище было погребено в руинах столетий. Слишком уж много с ним проблем. Но что есть, то есть. Анна Николаевна, когда вы вылетаете в Толедо?

– Дарья, простите, но я не предполагала... Я думала, что вы пришлете кого-нибудь из своих за Арфой. У меня учебный год на носу, кроме того, ко мне только что приехала племянница с подругой, не могу же я бросить девушек без присмотра.

– Понятно. Логично. Что ж, из своих я могу прислать только Марью. Я забыла, в Щедром есть аэропорт?

– Нет, только в областном центре, в Холмце.
– Глухомань российская! Хорошо. Сегодня же Марья вылетает в Москву, а оттуда в Холмце. Вы ее не встречайте, до Щедрого Машка доберется собственными силами.

– Нет, я обязательно встречу, у меня машина.

– А у Машки помело. Она его апгрейдила недавно, летает лучше, чем гоночный болид. Главное – направление задать верно. В общем, ждите Марью в самое ближайшее время. Привет вашим гостям. Я отключаюсь. Да, и чтоб ни одна магистерская душа об этой Арфе не знала!

– Само собой! Благословенны будьте, Госпожа...

Шар погас и снова стал прозрачным. Юля и Марина стояли ни живы ни мертвы. А Анна Николаевна повернулась к ним и сказала:

– Скоро у нас будет еще одна гостя. Почти ваша ровесница. Кстати, она закончила Московский университет, получив специальность психолога экстремальных ситуаций... Юля, отчего ты такая бледная?

– Тетя, – через силу проговорила Юля. – Вы кто?

– Бедная девочка, – улыбнулась Анна Николаевна. – Только, ради святой Вальпурги, не пугайся. И вы, Мариночка, тоже не пугайтесь. Я просто ведьма. Самая обычная ведьма.

– Анна Николаевна, вы всегда так шутите?! – воскликнула Марина. – Какие ведьмы, двадцать первый век на дворе!

– Нет разницы, какой на дворе век. Ведьмы были и будут всегда. Я имею в виду, настоящие ведьмы, а не те глупые самоучки, которые начитаются пустых книжек и мнят себя чуть ли не могущественными феями! И я вовсе не шучу. Повторяю, я ведьма.

– Вы же говорили, что вы профессор... Доктор искусствоведения.

– Одно другому не мешает. Ты думаешь, музыка – набор скрипичных ключей? Нет, это тоже магия. Волшебство, доступное немногим! Девочки, только не падайте в обморок. В том, что я ведьма, нет ничего особенного. Считайте, что это хобби эксцентричной тетушки.

– И вы можете колдовать, насылать порчу, да? – опасливо поинтересовалась Марина, отступая к шкафу с книгами.

– А также летать на помеле, становиться невидимкой, разговаривать с птицами, зверями и травами... Я еще много чего могу, девочки. Только не думайте, что я разбрасываюсь своими способностями направо и налево. Мне не нужна магия для того, чтобы прополоть огурцы или вскипятить чайник.

– Тетя, а можно вопрос...

– Юленька, конечно! И отчего у тебя такие большие и круглые глазки? Неужели ты ведьм никогда не видела...

– Тетя, а вы добрая или злая ведьма? В смысле светлая или темная?

– Начитались фантастики, бедолаги... Будем считать, что я – ведьма нейтральная.

– А что это значит?

– Это значит, что я не превращаю людей в жаб и гусениц только потому, что у меня плохое настроение.

– А вы вообще... умеете?

– Ну, если очень понадобится, – сказала Анна Николаевна, а потом рассмеялась. – Девочки, прекратите глядеть на меня, как на монстра. В том, чтобы быть ведьмой, нет ничего особенного или чудовищного. Лучше уж быть ведьмой, чем аудитором. К примеру. Так, а теперь давайте закроем тему «Хорошо ли быть ведьмой в контексте общечеловеческих ценностей» и посмотрим, какую траву прислал мне Потап. Кстати, раскрою уж все карты: Потап – оборотень. Урсолюд. Наполовину человек, наполовину медведь. Но это не мешает ему быть чрезвычайно порядочным и пристойным в обеих своих ипостасях. Вообще, у нас в Щедром ведьм, оборотней, вампиров...

– И вампиров?! Мама!!!

– И ничего страшного – и вампиров. Так вот, в нашем городе и окрестностях паранормальных личностей и явлений больше, чем в целом по России. Такая вот у нас геопатогенная зона. Но когда вы познакомитесь с жителями нашего города поближе, вы поймете, что в принципе они все неплохие... личности. Одного только человека я вам настоятельно советую опасаться. Его зовут Сидор Акашкин.

– Он маньяк? – спросила Марина.

– Нет, он журналист местной радикальной газетенки. Препротивный тип. Вот уж кого ни сглаз, ни порча не берет. Сколько раз сама лично читала заклинания, чтоб он в жабу превратился, – не превращается, мерзавец. Только стал подквакивать, когда в разговор с кем ввязывается.

– Чем же может быть неприятен журналист?

– Не просто журналист, а именно Сидор Акашкин. Он нудный, въедливый, нахальный и склочный. Верите, девочки, он однажды на кладбище в свежую могилу залез – только для того, чтобы послушать, о чем разговаривают умертвия, и записать всё это в свой журналистский блокнот. А там у умертвий как раз было свидание...

– Погодите... Умертвия?!

– Ну да. Так сказать, биологические мертвецы, продолжающие социальное существование. О, их можете совершенно не опасаться. У них очень закрытый круг общения, дальше кладбищ они, как правило, не выходят. Вообще, девочки, мой вам совет: никого и ничего не бойтесь. И тогда город Щедрый станет вашим городом.

Анна Николаевна взяла мешок с травами, развязала его и опрокинула над столом. Аромат сушеной травы стал просто невероятным. Казалось, в комнате образовался луг с целой копной сена. На стол посыпались сухие цветки, черешки, листья, какие-то длинные стебли с мохнатыми соцветиями... Когда мешок опустел, Анна Николаевна аккуратно положила его на пол и принялась разбирать травы.

– Помогите-ка мне, девочки, – неожиданно предложила она. – И не бойтесь, в травах нет ничего опасного.

Юля и Марина подошли к столу.

– Начинаем урок прикладной фитотерапии, – с улыбкой сказала ведьма-профессор. – Вот это переступень белый. Очень горький, но очень полезный. Особенно при запорах.

– Хи-хи.

– Ничего не «хи-хи». А благодаря гликозиду брионина это растение применяется еще и в ведьмовской практике. Он входит в состав притираний, которые ведьмы используют для придания себе неземной красоты.

– А, тетя, не всё кремы виноваты в том, что у вас такая кожа потрясающая!

– Ну, немного колдовства в косметике никогда не помешает... Так, это что у нас? Пырей. Простая, но такая нужная травка. Стебель пырея незаменим при составлении смесей, используемых как приворотное зелье.

– Так приворотное зелье – это не шутки?

– Конечно, нет, если ты имеешь дело с настоящими ведьмами, а не с шарлатанками. Приворотное зелье существует. Мало того, имеется несколько его видов. О как у вас глазки разгорелись, девочки мои! Думаю, вы будете прилежными ученицами!

Юля замерла с листиком какого-то растения в руке.

– А вы будете нас учить колдовству, тетя? – спросила она.

– Почему бы и нет? – пожала плечами Анна Николаевна.

Глава 5. Новые открытия

– «С голыми ногами, распущенными волосами, подвязав одежду вокруг пояса, они собирали на кладбищах кости и травы при свете молодого месяца...» Как экзотично! Тетя, а вы тоже... того?

– Что именно, Юля? – с явным утомлением в голосе поинтересовалась Анна Николаевна.

– Ну, заголяетесь, волосы распускаете и собираете на кладбище кости и травы. При свете молодого месяца.

– Юля, ты читаешь про обычаи древних ведьм. Сейчас уже никто таким образом не практикует. Нецивилизованно. Современное ведьмовство пользуется всеми достижениями научно-технической революции... Творчески их преображая, конечно. И если ты мне дашь хоть два часа посидеть спокойно над этим благословенным учебным планом, я не превращу тебя в игуану.

– А вы можете? – восхищенно представила себя Юля в роли игуаны. Здорово!

– Теоретически могу. Практически... Юленька, свет мой, ты видишь, как я загружена работой! Выйди в сад, найди там Марину и займись с ней сплетнями. Или пройдитеесь по городу.

– В такую жару?

– Хорошо, сегодня вечером я вызову дождь. Но не сейчас! Потому что сейчас я должна составить план урока, посвященного творчеству Мясковского!

Тетины глаза засветились опасным фиолетовым светом. Юля почла за лучшее не выводить из себя тетюшку, встала, поправила сарафанчик и, взяв с собой книгу, которую до этого читала, отправилась в сад. Книга называлась «Колдовство: некоторые аспекты прошлого и современности» и была донельзя скучной.

В саду было хорошо. Жгучее солнце, пробираясь сквозь густую листву деревьев и заросли облепихи, жасмина и жимолости, смягчало свой суровый нор и на травы и цветы ложилось нежными, теплыми бликами и кругами, напоминающими столовые тарелки.

Юля миновала розарий (над розами разбрызгивал воду небольшой фонтанчик), прошла в глубь сада. Здесь у старого сарая для инвентаря стояли две корявые ветвистые груши, дающие отличную тень. Между грушами был натянут гамак. В гамаке сибаритствовала Марина. В ее руках был роман в глянцевой обложке (на обложке пылкая красавица в мини-платье страстно тыкала револьвером в ухо озадаченному мужчине невинного возраста), рядом с гамаком стоял столик, а на столике – кувшин с соком, в котором плавали маленькие льдинки.

– Ты отлично устроилась, – сказала подруге Юля.

– Располагайся рядом, – гостеприимно предложила Марина. – Гамака хватит на двоих, сока тоже. Роман могу читать вслух.

– Я не склонна к такой литературе.

– И всё-таки. Ты только послушай! Какое знание реальности! Здесь женщина жалуется на то, что ее одновременно насилуют пять демонов!

– Фу, прекрати, это же натуральная чернуха!

– Нет, это тоже фантастика, причем подростковая. Просто альтернативное направление. Автор – Вера Самогонкина. Супермастер. А ты что читаешь?

– Взяла из тетиной библиотеки. Кое-что по колдовству. Ужасно скучно написано. Но хотя бы без изнасилований. Кстати, интересно, а сколько в Щедром вампиров?

– Давай прогуляемся после захода солнца – узнаем. А что это ты вдруг про вампиров заговорила?

– Тетя сказала, нас никто не тронет. Но я боюсь.

– Ой, Анна Николаевна много чего говорит! Помнишь, три дня назад она пообещала, что станет нас обучать колдовству. И где? Где всё это обучение?

– У тети горит учебный план. Не забывай, она не только ведьма, но еще и преподаватель музыки. И вообще, что ты придираешься к моей тетушке? Она замечательный человек!

– Мерси за комплимент, – прозвучал тетушкин голос из ближайшей к гамаку цветущей тигровой лилии.

– Ах, – схватилась за сердце Юля. – Тетя, подслушивать нехорошо.

– Извини, не могла удержаться, – сказала лилия. – Девочки, не маялись бы вы скукой, а сделали бы доброе дело.

– Мы всегда готовы! – заверила лилию Юля.

– Поезжайте на пятом троллейбусе до торгового центра «Исида». Это две остановки. В торговом центре поднимитесь на второй этаж и найдите магазин-салон «Яблоко Париса». Там сейчас работает девушка Катя, вы ее сразу узнаете – бледненькая, худенькая и всегда тихая. Ей только что поручили крупный заказ, и девочка в отчаянии – боится, что сама не справится. Помогите ей. Я уверена, у вас всё получится.

– А что за заказ? – спросила Марина, поднимаясь с гамака и лениво потягиваясь.

– Там узнаете, – сказала лилия и повторила: – Вы справитесь, ничего сложного.

– Хорошо, мы идем.

Девушки придиричиво осмотрели друг друга и остались довольны осмотром. Сарафанчики – просто последний писк столичной моды, лица от жары румяные и нежные, глаза томные, волосы пышные. Словом, берегись, Щедрый!

Из воздуха перед носом Юли возникла сторублевая купюра. Лилия прокомментировала это так:

– На обратном пути купите хлеба, молока и корм для мышей.

– Хорошо. – Юля взяла сторублевку. – Она настоящая?

– Обижаешь! – возмутилась лилия. – Ведьмы никогда не занимались подделкой денег!

Ну, почти не занимались...

Тут по воздуху приплыли и две дамские сумочки – одна Юлина, другая Маринина.

– Счастливо, – сказала лилия и сложила пестрые лепестки, давая тем понять, что разговор окончен.

Девушки вышли за калитку и направились в сторону троллейбусной остановки. Они ориентировались в городе еще не очень хорошо, видимо, поэтому тетя дала им в сопровождающие изящную пеструю кошечку (из тех тринадцати), которую звали Мадлин.

– Девочки, сюда, – промяукала Мадлин, изысканно помахивая пушистым хвостом. Окрестные коты провожали ее долгими сладострастными взглядами. На троллейбусной остановке Юля как-то автоматически взяла Мадлин на руки.

– Спасибо, – сказала ей Мадлин. – Троллейбус подойдет через три минуты. Юля, у тебя появится песок в почках, если ты не перестанешь пить некипяченую воду. Марина, не вздумай выдавливать прыщик на щеке – инфекцию занесешь.

– У меня нет прыщика на щеке! – воскликнула Марина.

– Завтра вскочит, не беспокойся. Вон тот мужчина в коричневой рубашке только что изменил жене со своей сотрудницей. А та девушка собирается сделать пирсинг сосков тайком от родителей...

– Мадлин, – изумленно проговорила Юля, – ты что, ясновидящая?!

– Конечно, – ответила кошка. – Но раньше у меня этот дар проявлялся сильнее.

– Когда это раньше? – спросила Марина, страдая от одной мысли о том, что у нее на щеке возникнет прыщик.

– Когда я была ведьмой в человеческом обличье, – просто сказала Мадлин.

– То есть, постой-ка, ты была человеком?

– Ну да, можно и так сказать. Принадлежала к человеческой расе.

– А что же с тобой стало потом?

– Меня сожгли на костре за колдовство. Это было во Франции, в одна тысяча пятьсот первом году, тогда меня звали Мадлин Амаларик. Мой собственный муж донес на меня, вот так-то, девочки, доверять мужьям! Кости мои бросили в реку, это уж как водится, а пепел палач продал Великой Безымянной Ведьме за триста монет. Великая Безымянная и воскресила меня к жизни в образе кошки.

– И ты живешь уже пятьсот с лишним лет?!

– Да, а что такого. Волшебные кошки живут долго, особенно если они связаны узами Ремесла.

– Ремесла?

– Да. Ведьмовства. Помните ту первую ночь, когда вы оказались в доме госпожи Анны? Мы все собрались там – все бывшие ведьмы, сожженные в разные века и в разных странах. Нас тринадцать – именно столько воскресила к жизни Великая Безымянная Ведьма.

Троллейбус с шиком подкатил к остановке. Был он весь новенький, сияющий, разноцветный. По его лакированному боку вилась затейливая готическая надпись: «Пользуйтесь общественным транспортом, пока не научились летать на метлах!»

– Забавно, – хмыкнула Юля, прочитав надпись.

Они дружно загрузились в троллейбус, и к ним тут же подошел кондуктор. Был это костлявого вида опрятный мужчина с каким-то серым цветом лица. Глаза его желтовато поблескивали.

– Проезд – пять рублей, – сказала кошка Мадлин. – Рекомендую заплатить, девочки. Сегодня на линии сам Седая Голова.

– Привет, Мадлин, – неживым голосом сказал Седая Голова, принимая от Марины десятку. – Девочки, видать, приезжие. Пахнут не по-нашему.

– Верно, приезжие. Они живут у госпожи Анны. Ты уж очень их не пугай, Седая Голова, они еще не привычные к нашему менталитету.

– Хорошо, – проскрипел Седая Голова и протянул девочкам два билета. Билеты были как билеты, только пахло от них чем-то вроде кладбищенской земли.

Юля прижала к себе кошку, как щит.

– Да успокойся. В нашем городе умертвия самые мирные. Если их не злить, конечно. Но ведь мы и не злим. Мы с вами как-нибудь в Щедровские торговые ряды прокатимся, – сказала Мадлин, мяукнув. – Вот там вы и на оборотней насмотритесь и на вампиров – они все по натуральному хозяйству работают.

– Это как?

– Овощи выращивают, фрукты... Ну, кто скотину держит. У нас ничего привозного нет, питаемся плодами своих рук. А что это импортное – химия одна! Особенно кошачий корм.

Видимо, тема кошачьего корма была для Мадлин весьма болезненной, потому что она оставшуюся часть пути только и говорила о том, какие негодяи все производители кошачьих консервов и как они издеваются над хрупким кошачьим организмом. Из-за этого чуть не проехали нужную остановку, еле успели выскочить, и то лишь потому, что Седая Голова придержал закрывающуюся дверь (ведь умертвия, как известно, физически очень сильные).

Торговый центр «Исида» был выстроен в форме египетской пирамиды, правда, размерами был поменьше. И материал на него пошел поскромнее. И конечно, ни в одной египетской пирамиде не было пластиковых окон, встроенных кондиционеров и ярких надписей: «Заходите к нам! Мы открылись!»

От входа начинался эскалатор, украшенный витками световой проволоки. В центре играла эзотерическая музыка.

– Нам на второй этаж, – напомнила Мадлин.

Компания на эскалаторе поднялась на второй этаж. В принципе «Исида» ничем не отличалась от прочих торговых центров, в изобилии имеющих на Руси. Бутики со стеклянными стенами и дверями, сплошь завешанные одеждой или заставленные обувью, сногшибательные цены, сомнительное качество... Салон-магазин «Яблоко Париса» находился в самом конце торгового зала, но это вовсе не значило, что и выглядел он хуже всех. Скорее даже наоборот!

Вход в магазин осеняли две пышные пальмы. А дальше начиналось царство красоты, изнеженности, праздной пышности, неуместной в наш рациональный век, – царство цветов.

В огромных, в человеческий рост, в средних и совсем крошечных стеклянных вазах томились все самые прекрасные и редкостные представители флоры. Сладкие ароматы кружили голову, восхищали и пленяли. Плющ оплетал витую вазу с чайными розами; скромный букет из люпинов и наперстянки выглядел как букет невесты; пестрые пышные маки и георгины могли своей яркостью излечить от любой депрессии... На полках между цветами журчали маленькие декоративные фонтанчики, ничуть не похожие на то аляповатое убожество, какое видим мы в других подобных магазинах. Тут же стояли разнообразнейшие свечи и подсвечники, ароматические лампы, наборы благовоний и душистых масел, словом – маленький праздник для души.

– Так эти цветы – искусственные? – искренне изумилась Марина, когда они вошли в магазин и сумели рассмотреть всё поближе. – Никогда бы не подумала...

– Искусственные цветы лучше, чем цветы умирающие, – услышали девочки нежный голосок. К ним из зарослей рододендрона и магнолий приближалась удивительная девушка, всем напоминающая фею (вот разве что крыльев у нее не было).

Девушка-фея улыбнулась гостям своими огромными фиолетовыми глазами и добавила:

– Впрочем, у нас есть в продаже и так называемые живые цветы. Вот, пожалуйста, целый отдел: розы, лилии, хризантемы, орхидеи.

– Простите, мы не покупатели, – нашла Юля. – Мы к вам от Анны Николаевны. Я ее племянница Юля, а это моя подруга Марина. Вы Катя? Анна Николаевна сказала, что вам может потребоваться наша помощь.

– Ой, конечно! – Глаза Кати стали еще огромнее и еще фиолетовее. – И как только Анна Николаевна догадалась. Впрочем, с ее-то провидческим даром... Ой, благословенна будь, Мадлин, я сразу не обратила на тебя внимания, прости.

– Ничего, – мурлыкнула кошка. Спрыгнула с рук и прошла с независимым видом по магазину. – Мне всегда тут у вас нравится.

– Проблема вот в чем, – заговорила Катя, посверкивая глазами. – Мне к вечеру надо выполнить заказ: пятнадцать праздничных композиций. Из искусственных цветов. Казалось бы, чего проще, но проблема в том, что я катастрофически не успеваю. А вечером придет заказчик, и что я ему скажу?!

– Но мы вообще-то не умеем составлять цветочные композиции, – нерешительно сказала Марина.

– Ничего подобного, – заявила Юля. – Еще как умеем. Вы мне только ваз побольше дайте.

И закипела работа. Девушки распределили обязанности так: крупные букеты составляла Катя, чуть поменьше – Юля, а Марина и Мадлин были на подхвате: принести ножницы, шелковую бумагу, тесьму или бисер...

Катя, работая, напевала мелодичную песенку на непонятном языке; Мадлин ей подмурлыкивала. Юля, погрузившись в творчество, не замечала, как вокруг нее всё буквально летает по воздуху: ножницы, булавки, шпагат и прочие мелочи... Она задумывала простые, но очень искусные и рискованные композиции: шелковые хризантемы соединяла с душистым горошком из марли, алые атласные маки обвивала темно-зеленым резным плющом из сатина, словом, колдовала всюю. И когда пришел заказчик за своими пятнадцатью букетами, то остался весьма доволен.

– Волшебнo, – сказал он. – Гости будут потрясены. Карточку «Виза» к оплате принимаете?

Катя кивнула и с шиком провела карточкой по щели кассового аппарата.

Вместе с заказчиком прибыло несколько человек, чтоб перенести букеты в машину. В одном из этих парней Юля узнала Вадима.

– Вадим, здравствуй! – первой поздоровалась она.

– Ох! – Тот на мгновение замер с пышным букетом из гербер и шифонового амариллиса. – Юля, привет. А я сразу тебя и не заметил, извини. И Марина тут! Девчонки, не знал, что вы здесь будете, честно! Рад встрече, только сейчас очень спешу. Давайте встретимся сегодня в парке у безносой наяды. В семь вечера. Там всегда наша компания собирается. Покатаемся, пообщаемся.

– Спасибо за приглашение, мы придем, – ответили девушки, и Вадим убежал следом за остальными букетносцами.

– Приятно, – пробормотала Катя, поглаживая Мадлин за ушком.

– Что? – переспросила Юля.

– Приятно, когда даже вампиры говорят тебе «спасибо!» за твою работу, – пояснила Катя.

– Погоди, – нахмурилась Марина. – Ты хочешь сказать, что все эти люди – не люди, а...

– Вампиры. Самые обыкновенные. Ну, правда, достаточно состоятельные, раз могут позволить себе заказывать цветы в нашем салоне. У нас одна голландская роза из натурального атласа – триста пятьдесят рублей штучка. По-моему, у них сегодня ночью какое-то торжество: то ли юбилей Мастера вампиров, то ли чья-то годовщина свадьбы... Вот они и заказали столько искусственных цветов. Любят пышность и помпезность.

– Вампиры, – медленно повторила Юля. – Значит, и Вадим – вампир?

– Вадим? – переспросила Катя. – А, это такой молодежь? Да, конечно, вампир. Но он еще не из сильных. Ему, кажется, двухсот лет не минуло. Вообще очень обходительный парень. Общается с байкерской тусовкой «Матерые моторы». Самые приличные ребята в нашем городе. Не будь я феей, то могла бы...

– Катя, ты – фея?

– Ну конечно, – сверкнула глазами Катя и принялась перебирать в тонких пальчиках пышный бутон парчового пиона. – Правда, я фея, что называется, в надцатом поколении, поэтому у меня нет никаких особенных даров. Ну, я могу летать, становиться невидимкой, а еще делать искусственные цветы живыми и наоборот. Свинец в золото превращать не могу, сразу говорю.

– Так, по-моему, феи этим и не занимаются, – сказала Юля.

– Да? – обрадовалась Катя. – А я-то переживала. У нас в Щедром фей вообще очень мало – и дюжины не наберется. В основном они повыходили замуж за оборотней и живут теперь в деревнях и на фермерских хозяйствах. За коровами ухаживают, за козами, за сочностью травы следят... А я вот в городе осталась... Хорошо мне Анна Николаевна работу по душе подобрала. Только я очень медлительная. Если бы не вы, девочки, я бы с сегодняшним заказом до сих пор копалась. Благословенны будьте!

– Да, кстати, – подняла палец Юля, – я уже в который раз слышу это выражение «благословен будь». Что оно означает?

– Очень просто, – сказала Катя. – Это приветственное и прощальное выражение у ведьм и вообще всех, кто хоть как-то причастен к волшебству.

– Выходит, Катя, ты с нами прощаешься? – улыбнулась Марина.

– Нет, ни в коем случае! Я сейчас кофе приготовлю, посидим вон под тем фонтаном, отдохнем. Сегодня вряд ли еще в магазине покупатели будут.

– Да, судя по тому, какие у вас цены...

– Ничего не поделаешь, – вздохнула фея Катя. – Качественные искусственные цветы – это штучная работа. Это не лепня какая-нибудь из Китая и Тайваня, которая мнетса, линяет от солнечного света и вообще похожа на силос. Мы торгуем цветами от лучших фирм Голландии, Германии и Испании. У Анны Николаевны там обширные связи. Ну что, девочки, я пойду готовить кофе? Мы его заслужили.

Девушки согласились (всё-таки работа флориста – работа не из легких!) и направились в дальний уголок магазина, где рядом с искусственным каланхоэ журчал фонтан, изображавший голую девушку, спящую в гроте (по телу девушки без конца стекала вода), и стоял маленький стеклянный столик возле уютного кожаного диванчика.

Через несколько минут появилась фея. Она несла поднос с дымящимся кофейником и чашечками.

– Будем пить кофе по-щедровски, – улыбаясь, сказала она.

– А это как? – заинтриговались девушки.

– С большим количеством сахара, сливок и корицы, – сообщила Катя.

И точно, рядом с изящным кофейничком красовался сливочник, сахарница и стеклянная баночка с коричневым порошком. Фея ухитрилась всё это (и еще чашки!) разместить на крохотном столе, уселась рядом с девушками и принялась их потчевать.

Кофе по-щедровски оказался очень даже неплохим. Марина, сама не своя до всяческих пирожных, допустила совершенно кошунственную мысль о том, что такой кофе может обойтись и без бисквита. Однако долго наслаждаться кофепитием девушкам не дали.

– Похоже, посетитель, – сказала Юля, выглядывая из-за круглого бока стеклянной вазы с ирисами.

Катя тоже выглянула и нахмурилась. Ее большие фиолетовые глаза налились предгрозовой темнотой.

– Пожалуйста, сидите здесь, девочки, – сказала она севшим голосом. – Это не посетитель. Это Сидор Акашкин. Журналист.

– Мы о нем слышали.

– Тем более. Сидите тихо, как мыши. Я постараюсь его побыстрее спровадить.

Катя поставила чашку на столик и, извернувшись своим хрупким стрекозиным тельцем, вышла к увитому шиповником прилавку.

– Добрый день, рада вас видеть, что вам угодно? – заученно произнесла фея.

Девочки, закамуфлированные широкими листьями каланхоэ, потихоньку наблюдали за страшным Акашкиным. Каково же было их удивление, когда навевающий на всех ужас журналист оказался довольно пришибленного вида мужичонкой без определенного возраста. На физиономии его буйно зрели фурункулы. Прилизанные волосы не скрывали раннюю лысину. Костюм сидел мешком. Словом, сплошное отвращение, а не мужчина.

– Я Сидор Аквашкин, – произнес журналист, и девочки вспомнили, что именно благодаря заклинанию Анны Николаевны Гюлинг корреспондент теперь подквакивает. – Помните, дорогая Кватенька, я обещал прийти и взять у вас интервью о жизни фей в городской среде. Так квак вы насчет интервью?

– Вообще-то я на работе, – несмело пояснила Катя. – Как-то неудобно...

– Да отчего же неудобно? – вальяжно сказал журналист и без приглашения уселся на табурет возле прилавка. Достал из кармана засаленный блокнот. – И так, Кватенька, кваковы ваши впечатления о городе, так сквазать?

– Хорошие впечатления, – пожалала плечами фея. – Город как город. Вы же знаете, что живу я тут давно...

– Но разве вы не тоскуете по свободе вашего, квак-с, народа? Квак вы можете дышать воздухом, отравленным автомобильными выхлопами? Где вы можете расправить крылья? Я фигурально выражаясь. Я вижу, что у вас нет крыльев.

– Я привыкла, – сказала Катя. – Так и запишите. Я знаю, для чего вам это интервью. Вы хотите написать статью о том, как в городе Щедром попираются права оккультных меньшинств. Но это неправда. Во-первых, в Щедром ничьи права не попираются, а во-вторых, я вам не оккультное меньшинство. И сказать мне вам больше нечего.

– Кватенька, ну зачем вы так?! – укоризненно взвыл журналист, и тут его чуткое ухо уловило некий шорох в углу, где стояло каланхоэ. – А кто это у вас там прячется, а, Кватенька? На рабочем-то месте в рабочее-то время? Может, мне об этом статейку наквакать, то есть написать?!

– Какой противный этот квакун, – пробормотала Юля. – Мне так и хочется ухватить его за нос. Пойдем, Маринка, чего мы прячемся. Нашли кого бояться!

И девушки храбро предстали перед обметанными конъюнктивитом очами Сидора Акашкина.

– Благословенны будьте, – хором сказали девушки Сидору.

– Ведьмы! – восторженно выдохнул он.

Глава 6. Контрафактный товар

Когда позднее девушки вспоминали свое «интервью», то изумлялись тому, с какой нечеловеческой цепкостью вцепился в них Сидор Акашкин. Нет, этот жрец пера и ноутбука не хватал их за руки, не притискивал к стенке, тыча в нос диктофон. Он просто загипнотизировал их своим пронзительным журналистским взглядом, юлил, извивался, льстил, подкрадывался – словом, домогался их девических речей, как самый заправский соблазнитель.

– Давайте знакомиться, – медово пропел он, обнимая одним взглядом и Юлю и Марину. – Я...

– Да тебя в нашем городе последний таракан знает, мр-мяу, – подала голос недовольная таким поворотом событий Мадлин. – Акашкин, шел бы ты своей дорогой, не приставал к девушкам.

– К девушкам я пристаю исключительно из служебного рвения, – парировал Акашкин, отгораживаясь от кошки блокнотом. – Чур меня, чур!

– Идиот, – выдохнула Мадлин. – Общегородской придурок.

– Прессу всегда оскорбляют, – заявил Акашкин. – Но пресса не сдастся. И так, девушки, вы уже поняли, кто я. Остается понять, кто вы. Полагаю, вы недавние гости нашего славного, древнего города?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.